

Татьяна Ефремова

Досадная страничка из истории
Уральского казачьего войска
и Государства Российского

**Татьяна Ивановна Ефремова
«Уходцы» в документах,
воспоминаниях и
рассуждениях. Досадная
страничка из истории
Уральского казачьего войска
и государства Российского**

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=38840907

*«Уходцы» в документах, воспоминаниях и рассуждениях. Досадная
страничка из истории Уральского казачьего войска и государства*

Российского: Москва; 2017

ISBN 978-5-9908571-0-0

Аннотация

Кто кому служит: государство человеку или человек государству? Что важнее: благосостояние человека или благосостояние государства? Уральские казаки наивно полагали, что благосостояние государства строится на благосостоянии подданных, а потому интересы людей и государственного механизма должны совпадать... За эту ошибку они дорого

поплатились. Расследование и выводы Татьяны Ефремовой широко подкреплены архивными материалами, современными публикациями в прессе, статистическими и научными работами, мемуарами участников событий и воспоминаниями их потомков. Эта книга содержит сведения, полезные для всех, кто интересуется историей Уральского казачьего войска, военными, тюремными и судебными реформами второй половины XIX века, историей колонизации Туркестана, историей старообрядческих общин и историей Российской империи в целом. Согласование использования опубликованного материала производится с автором по электронному адресу tatiana.i.efremova@gmail.com.

Содержание

Благодарность	7
Предыстория бунта	15
Приложение к главе «Предыстория бунта»	57
Про несомненную роль бумаг и подписей	111
Конец ознакомительного фрагмента.	120

Татьяна Ефремова
«Уходцы» в документах,
воспоминаниях
и рассуждениях.
Досадная страничка
из истории Уральского
казачьего войска и
государства Российского

© Tatiana Ivanovna Efremova

*** * ***

Умом Россию не понять...
Фёдор Тютчев

Хотели как лучше, а получилось как всегда.
Советская присказка

Всё это было бы смешно,

Когда бы не было так грустно.

Михаил Лермонтов

Благодарность

Моему прадеду Иосифу Федотовичу Гузикову и моей прабабушке Секлетее Андреевне (в девичестве Толстовой), которые в годы войны собрали под своей крышей четырёх солдаток: двух дочерей, жену внука и жену сына с одиннадцатью маленькими детьми на всех (включая мою трёхлетнюю маму). Благодаря этим старикам все одиннадцать детей выжили в войну. Без Иосифа Федотовича и Секлетее Андреевны, может быть, не было бы ни моей мамы, ни меня, ни этой книги.

«Гуглу» и всем электронным библиотекам в Интернете, предоставляющим почти неограниченные возможности для самообразования.

ВГД и другим генеалогическим сайтам, на которых можно получить профессиональный совет в различных областях исторического и генеалогического поиска, причём совершенно бесплатно.

Форумам «Горыныч» и «Яик», на которых можно повстречать лучших знатоков Уральского казачьего войска.

Всем добрым людям Казахстана и России, помогавшим мне в поисках людей, документов или литературы, а также предоставившим для этой книги семейные раритеты. Особенная благодарность Савиту Ахатаеву, Ирине Васильевне и Александру Васильевичу Гузиковым, Сергею Викторовичу

Колычеву, Борису Юрьевичу Керженцеву, Николаю Петровичу Кропивницкому, Симе Нумгановне Мурзалиевой, Владимиру Викторовичу Никулину, Николаю Александровичу Панову, Нине Никитичне Петровской, Наталье Акимовне Сладковой, Нурие Талгатовне Суйфульмулюковой, Павлу Ерастовичу Чумакову.

Тем старообрядцам, которые согласились объяснить мне многие из аспектов их веры, которые я не понимала, а некоторые согласились быть записанными на видео, чтобы мне не приходилось полагаться исключительно на свою память и навыки конспектирования: Евдокии Ефремовне Божедомовой, Роману Васильевичу Максину, Самсону Антиповичу Мясникову, Анне Маркеловне Никулиной, Елене Георгиевне и Ивану Ефремовичу Ступиным.

Моим родственникам, которые поделились своими воспоминаниями: моей маме Евдокии Игнатъевне Ефремовой, отцу Ивану Екимовичу Ефремову, моим дядям и тётям: Анатолию Екимовичу Ефремову, Ганне Евстафьевне Гузиковой, Анне Ивановне Юрковой, Анне Игнатъевне Злобиной.

Писателям и энтузиастам истории Уральского казачьего войска Даниилу Юрьевичу Дубровину и Владимиру Владимировичу Кутищеву.

Уральцам из посёлка Рыбачьего, что возле города Нукуса в Каракалпакии, за копию Владенной грамоты.

Исследователю Приуралья Андрею Васильевичу Голубеву.

И ещё многим-многим.

Татьяна Ефремова

Будущий историк (...) легко исправит и дополнит мой труд – конечно несовершенный, но добросовестный.

А. С. Пушкин. Предисловие к «Истории Пугачёва»

Идея этой книги родилась в результате совсем другой идеи.

Когда-то довольно давно я задалась идеей составления семейного древа. Желание банальное – чуть ли не каждый второй в какой-то момент хочет знать имена бабушек-прабабушек. Желание это приходит и зачастую скоро уходит, и древо обрывается на этих самых бабушках-прабабушках. Мало у кого сразу находится терпение методично копаться в архивах и в Интернете, расследуя загадки семейного прошлого. Я отношусь к тем, у кого терпения не было, да и Интернета ещё как такового не было, и долгое время моё семейное древо было коротеньким, но развесистым и было усыпано обрубками ветвей, судьбы которых были мне неизвестны.

Время от времени я возвращалась к этому проекту. В силу моей географической удалённости я не имела возможности расспрашивать родню, поэтому я начала изучать историческое окружение моих предков, благо что оно было красочным и экзотическим. Я происхожу из среды уральцев, своеобразной этнической группы, исторически сложившейся в

Средней Азии. Уральцы резко отличались и от коренного населения, и от русского, и от всех других этнических групп. Они выделялись на общем фоне и своим видом, и манерой поведения, и образом жизни, и своей религией. Их нельзя было не заметить.

Долгое время я читала всё, что могла найти в Интернете по Уральскому казачьему войску (УКВ) и по старообрядчеству. Литературы было не так-то много, но и те крохи, которые можно было найти, возбудили во мне смешанные эмоции: интерес, беспокойство и подозрение, что есть что-то не то в общепринятой версии исторических событий. Ну не укладывается эта общепринятая версия в рамки здравого смысла! То, что приписывали казакам-староверам, не совпадало с тем, что я в них наблюдала сама, или с тем, что они мне рассказывали. Моё беспокойство по поводу различий между историей писаной и историей устной только росло...

Я обратилась к архивным документам. После нескольких лет чтения переписки между разнообразными администрациями моё беспокойство не уменьшилось, наоборот, оно усилилось и приобрело чёткие формы. Все документы Военного министерства, Главного управления иррегулярных войск, Уральского казачьего войска, полицейских отделений, туркестанского генерал-губернатора, Оренбургского военного округа, Казалинской крепости и многих других не

содержали ни одного вразумительного объяснения событий 1874 и 1875 годов в УКВ.

Среди архивных дел можно найти сведения о чём угодно! Дело о содержании осуждённых «в замке» может включать переписку начальства о количестве личных вещей, положенных арестантам, месячные сметы на муку и крупы в расчёте на человека, министерские циркуляры о правилах содержания арестантов, врачебные освидетельствования состояния здоровья больных, и прошения арестантов вышестоящим инстанциям по самым разным вопросам, и расписания движения этапов, и рапорты работников тюрьмы о происшествиях...

Бездушное и детальное канцелярское бумагомарание с одинаковой педантичностью запрашивало у казны недоимку в полторы тысячи рублей на довольствие арестантов и требовало возвратить 2 рубля 80 копеек князю Волконскому, истратившему эти деньги во время командировки в Тургайскую область на казённые нужды из собственного кармана. И в том и в другом случае почти идентичные запросы посылались из одной канцелярии в другую, из одного города в другой. Иногда переписка тянулась месяцами (и даже годами), не отдавая предпочтения никому: комендант голодных арестантов и секретарь князя Волконского проходили одни и те же круги канцелярского ада. Помимо рутинных внутренних

документов, есть в архивах и рапорты чиновников вышестоящему начальству всех уровней.

Кажется, нет такого аспекта, который не был бы освещён в многочисленных документах. Кажется, где как не в архиве можно найти ответы на все вопросы и объяснения всех исторических загадок! У меня всё было наоборот. Чем больше бесстрастных отчётов я читала, тем больше во мне росло недоумение: где же бунт, за который моих предков сослали в Казалинск? Я не находила документальных подтверждений преступления, в котором так единодушно обвиняли моих предков все историки! И чем дольше я не находила свидетельств казачьего «неподчинения», тем больше мне хотелось знать: за что же их сослали?

Теперь-то я знаю: администраторы всех мастей и уровней оболгали моих предков, а также и несколько тысяч казаков Уральского казачьего войска, а историки, опираясь на рапорты чиновников, возвели это в ранг официальной истории, размноженной в разнообразных (но немногочисленных) исследованиях печальных событий 1874 года...

И лишь много позднее, на последней стадии работы над книгой, я нашла подтверждение своим подозрениям у другого исследователя УКВ. Николай Андреевич Бородин сто лет назад писал, что «местное начальство (...) в сущности,

и создало так называемый бунт казаков», но голос гениального уральского учёного, эмигрировавшего в Соединённые Штаты Америки, не был услышан, и вплоть до наших дней то, что произошло в УКВ в 1874 году, считается «раскольничьим бунтом».

В процессе написания этой книги, когда материал был скомпонован и мой черновик перевалил за 300 страниц, я нашла вещественные доказательства моей теории: единственное (и совершенно случайно сохранившееся) документальное свидетельство событий того времени, написанное самими ссыльными казаками, содержащее подтверждение тому, что бунт был сфабрикован (воспоминания Ферапонта Толстова), и парочка фиктивных рапортов, написанных в УКВ в 1875 году...

В сочетании с тысячами страниц архивных материалов, сохранивших многочисленные детали расследуемых событий, фиктивные рапорты являются серьёзной уликой...

Эта книга – не только историческое исследование.

Это попытка посмотреть на историю не глазами историка и бюрократа, а глазами человека, потомка, плоти от плоти, крови от крови...

И уж совсем банально (извините за клише!) – это попытка понять наше прошлое с целью объяснить наше настоящее...

Предыстория бунта

...История края распадается на две части: на историю народа и историю правительственных учреждений. Связь между ними только внешняя. Правительство преследует свои цели, народ продолжает жить своей жизнью.

А. Рябинин

Некоторые даты и официальные моменты так хорошо задокументированы!

Предыстория «сопротивления» новому военному положению (НВП) 1874 года довольно хорошо описана, и из всей существующей литературы видно, что, к сожалению, конфликт между Уральским казачьим войском и новой военно-административной реальностью был неизбежен.

Причиной конфликта часто называется неразумное сопротивление консервативных и невежественных «раскольников» прогрессивной военной реформе. Некоторые историки, как В. Н. Витевский например, пытаются связать бунт и старообрядчество в довольно деликатной форме: «Волнение уральских казаков в 1874–1875 гг., как и волнения прежних годов, не чуждо влияния раскольников» (стр. 188). И, судя по некоторым работам, сам тот факт, что в войске было

много старообрядцев, объясняет всё: «Старообрядцы к нововведениям относились всегда настороженно», – считал С. Калентьев. А бывает, что припечатывают этих самых «раскольников» как самый вредный элемент, «скудоумных» ретроградов (из рапорта подполковника Мартынова начальнику ГУ ИВ А. П. Богуславскому). Иногда на события 1874 года смотрят как на ошибку: «Войско было напугано прежними новыми положениями (в 1803, 1868 гг.) и, не разобравшись, настроилось против» (Судаков, стр. 5). Есть, конечно, историки, которые постарались более детально рассмотреть это дело, и особенно насущность военных реформ и особенности Уральского казачьего войска, обусловившие специфику введения НВП в УКВ и возникшие в связи с этим трудности, объективные и субъективные, как это сделали С. В. Колычев в своей диссертации и авторы сборника «Столетие Военного министерства. 1802–1902. Воинская повинность казачьих войск» под редакцией Никольского. Причём, описывая «сопротивление», исследователи (включая чиновников, рапортовавших о «бунте») неизменно отмечают мирный характер участников событий, или, как определил Н. А. Крыжановский, «пассивное сопротивление», которое «не обнаруживаясь явными актами сопротивления (...) трудно определяется» (письмо военному министру Д. А. Милютину от 4 апреля 1875 года). Но были ли в немногочисленном ряду работ попытки рассмотреть ситуацию с точки зрения главных участников событий – самих казаков-староверов? Рассмотреть не

с целью осудить и сделать нравоучительные выводы о вреде и консерватизме «раскола», а с целью понять движущую силу, приведшую в движение УКВ и весь государственный механизм?

Может быть, и были такие работы, да мне не встретились?

Ещё одно обстоятельство, влияющее на мнение историка, – это то, какими источниками информации он пользуется и с чьей точки зрения эти источники смотрят на события. Чаще всего источником сведений служат московские и петербургские архивы, куда присылались местные рапорты. Нетрудно догадаться, что рапорты эти были тщательно отредактированы на местах и содержали те сведения, которые соответствовали ожиданиям столичного начальства и не вредили местному начальству. Кто же не знает, как писались и пишутся рапорты? И кто же не знает, что читать такого рода документы нужно по принципу «доверяй, но проверяй»?

Также все исследователи пользуются сведениями из «Уральских войсковых ведомостей» («УВВ»), которые отражают взгляд войсковой администрации и наказного атамана, ставленника императора. Так как в описываемые события были вовлечены тысячи староверов, в исследованиях историков по данному вопросу часто используются работы по истории религии, которые, в свою очередь, чаще всего вы-

ражают мнение Русской православной церкви о «расколе» и «раскольниках», мнение далеко не чуждое предвзятости и далеко не всегда хорошо информированное. Голоса самих участников событий слышны редко, чаще всего в случайных прошениях, подшитых в том или ином архивном деле. Не могу сказать, что никто из писавших на эту тему не сочувствовал осуждённым казакам, но вот насколько историки задумывались над причинами событий, в которые оказались вовлечены казаки?

Практически все исследователи связывают события 1874 года с введением военных реформ, не только в УКВ, но и во всех родах войск, однако мне не встретились работы, связывающие воедино фундаментальную перестройку всей империи, которые привели и к военным реформам, и к отмене крепостного строя, и к оккупации Туркестана, и к изменениям в тактике борьбы со старообрядчеством. По воле судьбы уральские казаки оказались вовлечены в крупномасштабные государственные реформы в самом неожиданном качестве.

Отведённую им роль казакам не объяснили, и они сопротивлялись как могли. Их сопротивлению историки посвящают куда больше внимания, чем причинам, которые привели к конфликту, но и сопротивление казаков, а точнее, их методы, тоже никогда не были объяснены. Примеры «странного» поведения упорствующих казаков так и остались «стран-

ными»: в лучшем случае о них пишут нейтрально, просто информируя читателя о нелепом факте, зачастую в описание вкрадываются удивлённые нотки, из которых возникает ощущение, что староверы были эксцентриками, людьми «с прибабахом», а бывает, что казаков открыто осуждают и обсуждают как недалёких религиозных фанатиков. Нет спору, среди староверов, как и среди всех других религий и конфессий, есть люди и фанатичные, и эксцентричные, но нет в мире религии или конфессии, где бы все верующие были и фанатиками, и эксцентриками. Когда речь заходит о поведении большой группы людей, за аксиому нужно принять, что большинство из них были физически и интеллектуально нормальными людьми и их поведение вызвано объективными причинами. Проблема в том, что староверы широкому кругу людей своё поведение не объясняли, а потому для широкого круга они так и остались странными, непонятными, упрямыми...

А между тем всё было логично...

Прежде всего необходимо понять, зачем была нужна реформа. Без осознания важности этого начинания нельзя будет понять упорство государства в некоторых вопросах. УКВ, да и вообще казачьи войска в целом, славились своей военной подготовкой, и в течение нескольких столетий российские цари опирались на исключительные боевые качества

казачьих войск. Популярная литература и интернет-сайты, посвящённые казачеству, пестрят расхожими похвальными высказываниями великих полководцев, начиная с Наполеона, в адрес казаков (см. приложение к этой главе).

Способность казачьей кавалерии перегруппировываться на поле боя была непревзойдённой, и казачья лава обеспечила победу во многих сражениях. Этот вид кавалерийской атаки сформировался в необозримых степях Украины и Азии, там стычки казаков с конными войсками азиатских кочевников происходили на открытых местностях, где нельзя было особо рассчитывать на помощь в виде топографических особенностей или секретных видов оружия вроде подкопов, таранов, метательных орудий и т. д. Единственный сюрприз, или секретное оружие, которое можно было проявить во время боевых действий в степи, – чья кавалерия окажется умнее и быстрее... Столетия конфронтации казаков со степными кочевниками сформировали молниеносный стиль атаки, не знакомый европейским конницам.

При всех пертурбациях в российской армии казачество всегда сохраняло свою структуру и особенности традиционной военной подготовки. Каким бы кардинальным изменениям ни подвергалась русская армия в целом, они во многом обходили казачьи войска стороной; реформы случались, конечно, и нередко, но по большому счёту казачество (осо-

бенно исконное казачество, Донское и Уральское) сохраняло свою самобытность.

В регулярной армии вводились новые методы муштры, новая форма, новые принципы администрации, новые виды оружия, даже новые рода войск, тогда как казаки встречали все новшества в штыки и новым веяниям поддавались очень медленно. Правительство же, в свою очередь, старалось не раздражать казаков, если возможно, и шло на уступки. Таким образом, между казачеством и Русским государством сформировался хрупкий баланс: чья возьмёт? Государство проявляло терпение, потому что казачьи войска обладали исключительными боевыми качествами и потому что казаки несли бремя охраны обширных пограничных районов, за что им многое прощалось. Тот факт, что при несении всего бремени важной пограничной службы казачьи войска были также финансово самодостаточными, лишь укреплял позиции казачьих войск. Это была уникальная армия, не имевшая аналогов в мире: она сама себя содержала. Благодаря этому российские цари обладали самой дешёвой кавалерией в мире – род войск, который изначально является очень дорогим. Балансирование между государством и казаками длилось почти 200 лет, со времён военных реформ, начатых Петром I. Однако конфликт между верховным командованием и казачеством продолжал медленно и верно назревать и время от времени прорывался наружу.

Одним из основных требований для успешных боевых действий является хорошая координация между всеми боевыми подразделениями. Пётр I ввёл новый орган администрации – Военную коллегия, которая осуществляла тотальный контроль всех военных вопросов. Единственные, кого она не могла контролировать вполне, были казацы войска.

Все казацы войска в допетровские времена сохраняли круг, а с ним – демократическое управление в войске. Многочисленные хозяйственные, юридические и военные вопросы решались голосованием, а не приказом сверху. Руководство всех уровней регулярно переизбиралось, так что практически каждый казак в войске мог заслужить честь быть избранным в станичные атаманы. Оттого что управление казацким войском было коллективным и решения круга касались каждого и отражались на положении каждого казака в войске, практически каждый казак принимал заинтересованное участие в обсуждении войсковых нужд и планов и, надо полагать, всегда был в курсе всех изменений в войске. А это значит, что каждый казак (или почти каждый!) был так хорошо осведомлен об общинных делах, что в любой момент мог вступить в хозяйственную или административную должность. Казаки старались не выбирать одного и того же человека дважды, так что руководящий состав на всех уровнях был текучим, что не соответствовало требованиям Военной

коллегии. Несмотря на это противоречие с государственной властью, казаки сохранили выборность войсковой администрации вплоть до середины XIX века. Е. Кларк, проехавший по землям войска Донского в 1811 году, описал это в своих дневниках, а заодно выразил нескрываемое изумление по поводу казачьего либерализма на общем российском фоне (см. приложение к этой главе), а также по поводу их достатка, благоустройства, предприимчивости и многих других отличий казачьей общины от русского общества.

Первой попыткой подчинить казачьи войска и втиснуть их в административную иерархию была отмена выборных войсковых атаманов. По указу Петра I от 1719 года казачьи войска стали возглавлять наказные атаманы, назначенные лично императором. Этот ставленник государственной власти проводил царскую политику в войске и должен был обеспечить контроль над выборными атаманами на местах.

Со временем, усилиями верховного руководства и наказных атаманов, демократизм в казачьих войсках всё более ограничивался и более строгая и изошрённая административная координация и отчётность вводились в войсках. Большей частью этот процесс был медленным и очень болезненным для обеих сторон: медленным, потому что казаки упорно сопротивлялись нововведениям, отстаивая свои права на демократию, а государство продолжало гнуть в свою

сторону; и был этот процесс болезненным, потому что ни одна из сторон не сдавалась. Однако процесс этот был более-менее мирным, если принять во внимание то, что массовые вспышки недовольства (бунты) среди казаков случались раз в 30–50 лет. Такие вспышки подавлялись то войсками, то обещаниями льгот казакам, то подкупами атаманов. Бывало, заканчивалось всё и массовыми репрессиями и кровопролитием. Когда же казачье войско нельзя было ни запугать, ни подкупить и ситуация выходила окончательно из-под государственного контроля, то оставались в запасе самые радикальные меры. Так, после большого выступления в 1775 году (напомню, что по времени это совпало с концом крестьянской войны под предводительством Пугачёва) Запорожское войско было расформировано, чтобы восстание не вылилось во вторую Пугачёвскую войну. Вполне возможно, что во время новых конфликтов между государством и казачьими войсками память о судьбе запорожцев служила примером и играла усмирительную роль.

Уральское (тогда ещё Яицкое) казачье войско также проявляло недовольство, и там тоже происходили регулярные конфликты на почве военных и административных новшеств. Пугачёвское восстание было, пожалуй, самым большим из всех антиправительственных движений до революции 1917 года, в которое были вовлечены казаки, и большей частью именно яицкие казаки, в связи с тем, что события

начались и развернулись в районе Яика.

Хрупкое равновесие в отношениях между уральским казачеством и Российским государством продолжалось ещё 100 лет, вплоть до 1870-х годов, когда государство твёрдо показало, кто является хозяином. Почему же именно в это время?

Причина решительного изменения отношений между государством и казаками имела несколько составных элементов: международный, технический, социальный и внутривнутриполитический.

Вторая половина XIX века внесла кардинальные изменения в военные технологии и, соответственно, в стиль ведения войны. В 1860-е годы, во время Гражданской войны в США, впервые были применены прототипы современных пулемётов. Эффективность этого вида оружия была быстро оценена, и к началу 1870-х европейские армии уже имели пулемёты на вооружении. Усовершенствовалась артиллерия. Военные департаменты оценили преимущества железных дорог, и повсеместно начали строиться пути железнодорожного сообщения, закупались паровозы, и военный персонал обучался железнодорожному делу. Другие технические нововведения были ещё на стадии разработки (например, до выведения танков на поля боевых действий нужно было

ждать ещё почти 40 лет), но государства понимали, что это лишь вопрос времени, когда усложнённая техника заменит традиционные виды оружия. Для работы с таким оборудованием нужен был хорошо обученный персонал, поэтому система обучения новобранцев должна была претерпеть изменения. Вторая международная тенденция того времени была в увеличении численности армий.

Увеличение размеров боевых операций, а также новые требования к технической подготовке военного персонала привели к тому, что европейские государства одно за другим стали готовиться к введению всеобщей мобилизации, которая даёт возможность обучить военному делу практически всё мужское население, а это, в свою очередь, даёт возможность в случае необходимости собрать большую и обученную армию довольно быстро, при минимальных затратах на содержание армии в мирное время. Ориентиром в этой тенденции служила Германия, которая ввела подобную систему воинской повинности и блеснула своими военными достижениями во Франко-Прусской кампании 1870 года. Военный аналитик того времени Р. А. Фадеев, сравнивая военный потенциал нескольких стран – Германии, Австрии и России, – проиллюстрировал срочную необходимость реформ: Германия при населении в 40 миллионов человек и военном бюджете в 360 миллионов франков имела, помимо остальных родов войск, 729 тысяч пехоты; Австрия при населении в

35 миллионов человек и военном бюджете в 252 миллиона франков – 580 тысяч пехоты; Россия же с населением в 82 миллиона человек и военным бюджетом в 527 миллионов франков имела 520 тысяч человек пехоты (стр. 44). Чтобы сохранять военную мощь на международной арене, Россия должна была изменить техническую подготовку воинского состава и перейти от 25-летней воинской службы для небольшой группы профессиональных военных в рядовом составе к всеобщей трёхлетней военной подготовке, чтобы в случае необходимости (войны) иметь возможность мобилизовать в короткий срок уже обученную армию.

Дореволюционная открытка

Для военной реформы были и вполне местные, специфические русские причины. Крымская война в середине XIX века продемонстрировала недостатки и российской армии, и общества в целом и запустила в ход цепную реакцию внутренних реформ, и в первую очередь фундаментальную реформу по отмене крепостного права.

Реформа была задумана с целью обеспечить определённые нужды государства, например, в свободной рабочей силе, но не очень-то позаботилась о нуждах крестьянства и экономики в целом, оставив средства производства, в первую очередь землю, в руках помещиков и мгновенно создав предпосылки для развития пролетариата и для массовой миграции населения в поисках вакантных земель.

В связи с отменой крепостного права в 1861 году юридический статус крестьянства изменился. Одной из вновь обретенных свобод была свобода передвижения по стране (относительная, конечно) и свобода поменять род деятельности. Финансово крестьяне в большинстве своём не выиграли, а проиграли. Крестьянство составляло подавляющее большинство населения Российской империи, а иметь обманутое большинство чревато негативными последствиями.

Социальная нестабильность этой эпохи вылилась в мно-

гочисленные бунты (не только в России, но и в Польше, где не было крепостного права), с которыми нельзя было справиться только силами полиции, и Российская империя должна была содержать огромную армию даже в мирное время, чтобы подавлять очаги восстаний.

Вторая половина XIX века также является эпохой военных действий в Средней Азии, на гигантской территории, для обеспечения безопасности которой тоже нужна была многочисленная армия. Учитывая низкий уровень технического обеспечения и железнодорожных сообщений, а также и отсталость административного аппарата, управление гигантской и громоздкой русской армией было исключительно трудно и неэффективно, поэтому Россия срочно нуждалась в военно-административной реформе. Ну и, конечно, была срочная нужда в развитии своей собственной современной военной индустрии. Всё вместе это требовало колоссальной перестройки не только армии, но и всего государства.

Колоссальная реформаторская деятельность того времени не является темой этой книги. Сосредоточимся лишь на одном аспекте военных реформ – всеобщей мобилизации, потому что именно она послужила точкой отсчёта для событий в УКВ в 1874 году. Такого рода реформы не производятся в одночасье; Россия отвела на это 17 лет (Фадеев, стр. 67). Все структуры должны были перестроиться поэтапно.

В России уже была группа людей, которая была поголовно военной (в теории) и хорошо знакомой с принципами всеобщей мобилизации (тоже в теории). Это было казачество. Однако теория и реальное положение вещей не всегда совпадают. Среди казачества, в частности в УКВ, был процент мужчин, никогда не служивших, несмотря на то что они были вполне способны к военной службе. У каждого из казачьих войск были свои особенности, юридические и хозяйственные, поэтому правительство подошло к введению реформ в каждом войске отдельно. Для каждого войска было написано индивидуальное новое военное положение (НВП).

Нужно добавить, что реформы казачьих войск происходили на фоне бурных дебатов о нужности/ненужности казачьих войск в целом, возможности/невозможности экономической независимости для казачьих войск и т. д. Статья Р. А. Фадеева «Разбор брошюры» является детальным обзором положительных и отрицательных свойств регулярной конницы в сравнении с казачьими войсками в свете происходивших военных реформ (см. приложение к этой главе) на примере статьи Пистелькорса; но и сам Пистелькорс, горячий сторонник казачьих войск, предлагавший расформировать регулярную конницу и заменить её казачьей, ратовал за введение субсидий казакам как неспособным обеспечить себя самостоятельно (стр. 234) и за вооружение их пулемё-

тами («повторительными или магазинными ружьями»), в то время как сам Фадеев придерживался того мнения, что артиллерия куда важнее конницы.

Сначала проект НВП был подготовлен в Оренбургском военном округе, к которому относилось УКВ. В 1872 году этот проект был представлен на рассмотрение в Петербург, где он был забракован как недостаточно радикальный. В том же году была создана комиссия для корректировки нового военного положения для Уральского казачьего войска, которая работала под непосредственным руководством Главного управления иррегулярных войск, занимавшегося казачьими войсками. Военное министерство, наказной атаман УКВ, оренбургский генерал-губернатор и уральская войсковая канцелярия более года совещались по этому вопросу.

После двух лет переписываний и обсуждений проект нового положения был готов, подписан царём 9 марта 1874 года и напечатан в «УВВ» в мае 1874 года. Положение было длинное, поэтому печатали его в нескольких номерах газеты. Таким образом, можно сказать, что правительство поставило казачьи массы перед уже свершившимся фактом. Казакам оставалось только послушно подчиниться новому закону.

Нет никаких свидетельств того, что на тот момент у казаков были антиправительственные настроения или что они

планировали саботировать решения правительства. УКВ было первым войском, в котором вводилось новое военное положение. После УКВ было новое военное положение в Донском казачьем войске, его начали вводить в конце 1874 – начале 1875 годов. Вполне возможно, что, помня о всех предыдущих законах, когда-либо вводившихся в войске, в УКВ с самого начала настороженно отнеслись к будущему закону. Имея многосотлетнюю историю самоуправления, казаки были группой людей, самостоятельно мыслящих, а также привыкших заинтересованно и ответственно относиться к общественным и личным интересам, поэтому неудивительно, что НВП они и прочитали, и обсудили. И, надо полагать, не раз. Скорее всего (и даже наверняка!), не каждый казак задумывался над этим документом, но нет сомнений, что многие казаки прочитали его с интересом. И рассматривали они этот закон не только с государственных позиций, но и с точки зрения рядового казака, который несёт всё бремя налогов и службы.

Комиссия же подошла к делу исключительно с точки зрения функциональности казачьего войска, которая, по мнению военного командования, нуждалась в улучшении. И действительно, система наёмки, существовавшая в УКВ и ставшая краеугольным камнем реформы, не соответствовала многим государственным задачам.

Наёмка сформировалась за несколько столетий существования УКВ и была одним из его основополагающих административных и финансовых аспектов. Кстати, уральские казаки не сами выдумали этот принцип. Ещё в Московской Руси призывали на военную службу «охочих и вольных людей» подобным способом, но в УКВ это было развито в комплексную систему финансово-служебных отношений, а если ещё проще – в систему набора добровольцев на военную службу. Эта система хорошо описана в книге «Столетие Военного министерства. 1802–1902. Воинская повинность казачьих войск» под редакцией А. И. Никольского. В диссертации С. В. Колычева тоже дано хорошее, но более компактное описание этого явления.

Когда УКВ получало разрядку от государства на поставку полков для военной службы, в действие вступал демократический механизм. Круг решал, сколько будут получать служащие в полку казаки. Если полк набирался на внутреннюю службу, цена была одна. Когда полк набирали на войну, цена была намного выше. Потом цену подмоги делили на душу взрослого мужского населения и каждый казак платил налог в войсковую казну, из которого и должна была платиться подмога. Потом объявлялся набор и добровольцы записывались на службу и получали подмогу из войсковой казны. Эта система набора военнослужащих вполне устраивала УКВ, но не устраивала государство. Чем же наёмка не уго-

дила правительству?

А вот чем...

Во-первых, она не соответствовала современной идее всеобщей мобилизации. Дело в том, что на протяжении уже долгого времени в казачьих войсках существовало как бы две социальные группы, одна из которых и вызывалась служить...

Наёмка как стройная и комплексная система служебно-экономических отношений в войске сформировалась как минимум за 200 лет до событий 1870-х. В начале XVIII века она была уже хорошо развита. Наверняка для наёмки были объективные причины, экономические и военные. Сборник «Столетие Военного министерства» придерживается теории Ю. Костенко, который считал, что с течением времени угроза набегов со стороны киргизов уменьшилась настолько, что защиту границ можно было обеспечить уже меньшим количеством казаков и не было нужды всем казакам всегда быть готовыми к службе.

Аналогичный процесс происходил и на других границах; в казачьих войсках с веками начали формироваться группы постоянно служащих и не служащих казаков, что нарушало общинный принцип всеобщей службы, с которого начиналось казачество. Казак, который уходил на военную служ-

бу, не мог заниматься хозяйством и пользоваться войсковыми угодьями. Чтобы возместить убытки служащему казаку, войско выплачивало ему компенсацию на время службы. Так сформировалась наёмка.

Сначала все казаки по очереди уходили служить, а значит все казаки по очереди получали подмогу от войска. С течением времени этот процесс расслоения лишь усиливался и начали формироваться группы казаков, никогда не ходивших служить. Например, в войске Донском, в котором служба была в теории обязательной для всех, к 1871 году было «более 6000 молодых казаков, не бывших вовсе на действительной службе, между тем как другие казаки оставались на службе по 5, 6 и 7 лет» («Столетие Военного министерства», стр. 115). Именно это явление и не вписывалось в идею всеобщей мобилизации.

Всё это в какой-то степени относилось и к УКВ, но процесс развития наёмки в УКВ оказался своеобразным, отличающимся от других войск. Своеобразие Уральского казачьего войска состояло в его необыкновенно развитой общинности и демократичности, которые препятствовали развитию классовой или профессиональной сегрегации, а общинные начала, в свою очередь, сформировались в своеобразной экономической обстановке – почти полной зависимости войска от рыбной ловли и реки Урала (или Яика).

В то время как в других войсках начиналось дробление на станичное землевладение вместо войскового, в УКВ вся экономика оставалась войсковой, потому что главного кормильца войска, реку Урал, нельзя было разделить на участки. В результате «в Уральском же войске, при господстве общинного хозяйства, экономическое неравенство (...) меньше, чем где бы то ни было», – признаёт А. И. Никольский (стр. 231), а потому и фонд, из которого нанимали новый набор казаков, тоже был войсковым, и сам процесс найма рекрутов в казачий полк был делом всей общины, и, как следствие такой общинности, процент неслуживших казаков был очень невысоким по сравнению с другими казачьими войсками: всего 8 %.

Как мы видим, УКВ имело очень высокий процент обученного военного персонала. Хотя нельзя не признать, что процесс экономического расслоения войскового населения происходил и в УКВ. Новые поколения финансово зависимых казаков вызывались на добровольную военную службу, или, как Валериан Правдухин написал в своём романе (4 гл.): «Каждую осень беднота отправляется пешком в Уральск торговать собою».

Так как все казаки скидывались в котёл, то получалось, что в самом начале, когда наёмка лишь была введена в вой-

ске, 30–50 уральских казаков как бы покупали услуги одного из своих товарищей на время службы. Со временем, в связи с увеличением требований государства к снаряжению полков, соотношение плативших и воевавших могло измениться чуть ли не один к одному (см. приложение к этой главе). Бывали ситуации в истории УКВ, когда снаряжали на службу чуть ли не половину взрослого населения. В такой ситуации наёмка уже не могла предоставить всех финансовых выгод и начинала способствовать разорению войска. В XIX веке таких моментов было несколько, поэтому к концу XIX века финансовое положение УКВ было незавидным. События 1874–1878 годов также наложили свой недобрый отпечаток.

Первая попытка отменить наёмку была сделана в 1748 году, тогда только на бумаге, потому что проект реформы не был подписан императрицей Елизаветой Петровной. Вторая произошла в 1765 году. Отменили наёмку указом, однако казаки указ проигнорировали и все попытки правительства внедрить его не увенчались успехом, несмотря на репрессии. Следующая попытка отменить наёмку произошла в 1803 году, и тоже неудачно. После двух лет наёмку вернули. Прошло ещё 70 лет всевозможных реформ, умаляющих демократические начала в войске и внедряющих принципы административной отчётности и субординации, прежде чем государство подошло к искоренению наёмки вплотную.

А помимо наёмки, были и другие важные для регулярной армии аспекты, которые нужно было адресовать и усовершенствовать, например дисциплина.

Как вольнонаёмные, казаки относились к службе более либерально, чем среднестатистический солдат. В войсковой газете нередко упоминаются случаи безответственности казаков во время службы, особенно по окончании службы и возвращении из действующей армии домой: то ружьё продадут и деньги пропьют, то коня, то обмундирование. А то на смотр заявятся без коня или ружья. В газете за 1873 год есть пример, когда урядник по пути домой с войны (то есть ещё не закончивший срок своей службы, хотя уже и отвоёвавший) продал своё ружьё («УВВ», 1873, № 49, стр. 2). В каких-то ситуациях казаки были более ответственны на службе и более храбры на поле боя, чем другие военнослужащие, и за боевые доблести их хвалили и награждали. Но либеральное отношение казаков к своему обмундированию, вооружению и службе в целом (например, самовольные отлучки), желание покрасоваться молодечеством и удалью (не всегда уместное) – такого рода недостатки были нетерпимы, и государство задалось целью улучшить дисциплину в казачьих войсках.

Трудность заключалась в том, что в казачьих войсках недисциплинированность зачастую сочеталась с боевыми

доблестями, в отличие от других родов войск, где недисциплинированность зачастую сочеталась с уголовщиной. Судьба моего дальнего родственника Василия Голованова тому печальный пример, который можно проследить по приказам, напечатанным в «Уральских войсковых ведомостях»: он был призван рядовым на службу в лейб-гвардейский эскадрон в Санкт-Петербурге в 1874 году; был в начале 1875 года за усердную службу произведён в унтер-офицеры, начал собирать награды за отличную стрельбу и другие примеры молодечества на всевозможных соревнованиях, а в 1876 году уже был отправлен в военно-исправительную роту на один год за дисциплинарные проступки.

В приказе № 247 за 1879 год («УВВ», № 15) можно проследить судьбу ещё одного казака, Кирияна Барышникова из Студёновского форпоста, который дослужился до звания урядника, но «за пьянство и дурное поведение» был арестован в августе 1874 года, посажен на хлеб и воду на три недели, лишён звания урядника и переведён в разряд штрафованных. Пять лет спустя звание урядника ему опять вернули «за безпорочную службу». К сожалению, примеры эти не исключительные. Вопросы казачьей дисциплины разбирались вплоть до министерского уровня, и в «УВВ» время от времени появлялись приказы местного начальства и министерские циркуляры о дисциплинарных вопросах, такие как циркуляр о наказаниях за самовольные отлучки со службы в № 8

за 1873 год.

Итак, новое военное положение начали печатать в войсковой газете. Положение это было не совсем неожиданным. Администрация войска была в курсе, что этот проект разрабатывается. Остальное войско тоже знало, что грядут перемены: слухами земля полнится. Да и «УВВ» помогли внедрить мысль о грядущих переменах: в течение нескольких лет до НВП время от времени в прессе появлялись разрозненные сообщения, относящиеся к происходившей в масштабе всей страны реформе: то о замене в течение шести лет всех ружей на ружья нового образца («УВВ», 1873, № 13, стр. 4), то о замене правил военной службы для царства Польского («УВВ», 1873, № 1, стр. 2), то объявляли о напечатании нового свода военных законов («УВВ», 1873, № 2, стр. 1).

Казачья кавалерия только что поучаствовала в Туркестанском походе, во время которого традиционная гордость казачьих войск, лава, оказалась неэффективной в конкретных боевых условиях. Да и вообще кавалерия оказалась неэффективной, и казаков переучивали воевать пешими, и особое внимание было уделено стрельбе из ружей («УВВ», 1870, № 20, стр. 1). Кстати, традиционно кавалерийская кокандская армия, по примеру русской армии, тоже стала отказываться от конницы и переходить на более эффективный пехотный стиль войны («Материалы по Туркестану», стр. 125).

Ну и самое главное: в январе 1874 года в «Уральских войсковых ведомостях» начали печатать новое военное положение для регулярных войск (см. приложение к этой главе). Это НВП тоже печаталось в нескольких номерах и кончалось извещением, что НВП для казачьих войск и царства Польского последуют. Так что казаки в какой-то степени были подготовлены к грядущим переменам, но конкретных сведений о содержании нового закона нигде не было напечатано до мая 1874 года.

Из прошений казаков мы знаем, что они были совершенно не в курсе того, что такое НВП. Однако официальные историки (например, «Столетие Военного министерства», стр. 271) утверждают, что «до обнародования в войске нового положения, наказный атаман Уральского казачьего войска сделал распоряжение ознакомить казаков с главными основаниями этого положения, и от всех станичных атаманов были получены донесения, что объявленное понято разумно и принято спокойно». Разногласия между заявлениями администрации и заявлениями казаков случались чуть ли не по всем пунктам. Историки обычно встают на позиции администрации, отмечая заявления казаков как враньё «раскольничьих фанатиков». Мне же не хочется обозвать лжецами тысячи людей. Под прошениями подписывались сотни казаков; если сложить вместе все подписи под прошениями, кото-

рые мне довелось читать, то будет около двух тысяч человек. Чиновников, рапортовавших о «проделанной работе», было несравнимо меньше (может быть, в пределах десятка), и у них были свои причины преувеличивать собственное усердие по службе. Исходя из чисто статистического принципа (а заодно и на основании своего жизненного опыта общения с бюрократами) я отдаю предпочтение утверждениям казаков и предполагаю, что казачьи массы не были знакомы ни с государственным планом по реорганизации военной мощи страны, ни с причинами изменений правил в УКВ, ни с конкретными пунктами предполагаемого НВП до мая 1874 года.

Ах, если бы кому-нибудь из начальства пришло в голову объяснить свои задачи народу! Кто знает, как бы повернулись события! Бородин в своём статистическом обозрении УКВ описывает «любопытный пример» столкновения общественного владения пастбищами с современным (с использованием техники, например сенокосилок) и то, как жизнь и здравый смысл берут своё и традиционные (общинные) методы отступают по воле народа «вполне сознательно» (стр. 307 и 313). И вообще, веяния времени были ощутимы в УКВ так же, как и везде в империи. Разве не смогли бы казаки понять причины реформ в государственном масштабе? Разве хорошо налаженное хозяйство в УКВ и относительно высокий жизненный уровень казаков не были прямым свидетельством того, что они умели решать комплексные эконо-

мические и административные задачи?

Когда Бородин пишет о рыбной промышленности в УКВ (главном источнике доходов на протяжении не менее 200 лет), он отмечает такое совершенство организации дела, что государству или администрации не было смысла даже пытаться отрегулировать его. Народ и сам всё отлично отрегулировал! (Бородин, стр. 466). Кстати, и в этой книге есть свидетельства того, что казаки вполне могли мыслить в государственном масштабе и довольно точно поняли причины событий, происходивших в УКВ в 1874–1881 годах. Может быть, они смогли бы найти и решение, более эффективное, чем то, которое нашли оренбургская администрация и российская монархия? Но где и когда государства и администрации доверяли своим народам?

Первоначально в войске не наблюдалось никакой реакции на новое военное положение или же не было реакции, которая могла бы вызвать беспокойство у начальства. Надо полагать, рутинные процедуры проведения приказов вниз по цепочке командования были задействованы, обычные формальности и отчётность соблюдались. В это же время, в мае, наказной атаман Н. А. Верёвкин уехал в длительный отпуск в Европу для излечения ранения, полученного в Туркестанском походе. На его место вступил исполняющий обязанности наказного атамана генерал Константин Федотович Бизя-

Что значит отъезд наказного атамана? Это просто злополучное совпадение, что Верёвкин должен был уехать по состоянию здоровья в столь важный для войска момент? Как можно объяснить тот факт, что в период введения нового закона человек, во многом ответственный за его написание, а теперь ещё и ответственный за его проведение в жизнь, уехал в длительный отпуск? Похоже на то, что ситуация в войске выглядела довольно благополучно и никто не ожидал затруднений.

В июне 1874 года, всего через месяц после опубликования НВП, два отставных казака Осип Ботов и Кирилл Кирпичников, выборные от казачьей общины, пришли на приём к и. о. атамана и принесли прошение. Само прошение мне посмотреть не удалось, и ни в одной из работ о событиях того времени полный текст этого прошения не приводится, однако в литературе по этому вопросу постоянно указывается, что прошение было в основном экономического характера. Надо полагать, эти утверждения сделаны теми, кто видел этот документ, и я полагаюсь на Сандра, С. В. Колычева и В. Чеботарёва, которые довольно подробно излагают содержание прошения. В. Чеботарёв отмечает, что оно было «грамотно составлено».

Учитывая скорость, с какой войско организовало прошение, можно судить о важности этой реформы в глазах казаков. С. А. Судаков увидел в прошении интригу небольшой группы зажиточных казаков, боявшихся потерять свои преимущества: «Зажиточная группа, державшая в своих руках бюрократическое управление войском, лишалась некоторых привилегий, охраняющих её господствующее положение, была особенно недовольна» (стр. 5). Однако из очерка Сандра мы знаем, что делегаты Ботов и Кирпичников были командированы большим собранием и их депутатский мандат (или «заручная») был подписан 25 казаками, выборными их станиц. По описанию Сандра, УКВ прошло через демократичный процесс обсуждения НВП и написания прошения: обсуждения и составление плана действия было одобрено подавляющим большинством населения. Причём сделано всё было без проволочек, в течение двух-трёх недель, из чего видно, что казаки рассматривали НВП как дело необыкновенной важности и срочности. Другое дело, что этот процесс не был санкционирован уральской администрацией, явился инициативой казаков и оказался полной неожиданностью для начальства. Я не припомню ни одного случая, когда войсковая администрация положительно отнеслась к инициативам казаков, но тот факт, что самодеятельные обсуждения и выборы были стихийными и неофициальными, ещё не является доказательством интриги небольшой группы казаков против НВП. На основании вышеизложенного я полагаю, что

мнение казаков по вопросу НВП было поистине массовым, но у меня нет никаких материалов о том, насколько однородным было это мнение или мнения.

Зажиточные и хозяйственные уральцы имели возражения против многих пунктов. По новому закону каждый молодой человек 19 лет призывался в войско как «малолетка» на два года для обучения по месту жительства в пределах войска. С 21 года каждый казак поступал в полевой разряд, с обязательной трёхлетней службой. В связи с изменившейся ситуацией в 1870-х годах служба была в основном внешней, то есть далеко от дома. Это значит, что семья и хозяйство лишались работника на пять лет. «Малолетки» обычно женились в возрасте 18–19 лет, появлялись дети. И тут молодой человек уходил служить на внешнюю службу.

Гор. П.-Уральскъ. № 6.
Въ пути на плавенное рыболовство.

Дореволюционная открытка

Оставалась семья с престарелыми родителями, женой и малыми детьми. Кто бы их содержал, особенно если родители были очень престарелыми (в УКВ нередко встречались дети, родившиеся от 50- и даже 60-летних родителей)? Каждый казак находился в полевом разряде по 15 лет, в течение которых он, после обязательных трёх лет службы, ещё семь лет был обязан являться на ежегодные смотры в полной амуниции. А после 15 лет полевой службы начинались пять лет внутренней службы.

Также казаки не приветствовали идею летних учебных

сборов, потому что приходились они на период покосов. Основные статьи войскового дохода зависели от рыбной ловли, хлебопашества, животноводства и извоза. Содержание скотины было одним из важных хозяйственных особенностей УКВ, поголовье было большим, и покосы были исключительно важной составной успеха. Уральский писатель Н. Ф. Савичев описывает пору сенокосов в войске так, что становится понятно, насколько щекотливой и чувствительной была эта тема. Н. А. Бородин тоже объясняет в своём статистическом обзрении УКВ, насколько войсковая экономика зависела от поголовья скота и покосов, и называет их «громадным подспорьем в хозяйстве» (стр. 301). Да и вообще, лето – это время строительных и ремонтных работ в сельском хозяйстве (не зимой же перестраивать курятники и подправлять заборы?), работы в садах и огородах (хоть земледелием занимались в основном в северных районах УКВ, но огороды-то и сады у всех были, а у некоторых ещё какие огромные!).

Они аргументировали свои возражения тем, что такие сборы приведут к финансовым и техническим трудностям в хозяйствах, а в результате это принесёт ущерб войсковой экономике. А ведь войско было финансово самодостаточным именно благодаря своим сезонным занятиям.

НВП также обязывало каждого казака содержать за свой

счёт полное боевое снаряжение в течение 15 лет. Снаряжение включало боевую лошадь (которую в телегу не запряжешь, но кормить, тренировать и холить нужно!), оружие определённого образца, обмундирование. И всё это нужно было продемонстрировать в полной боевой готовности на ежегодных смотрах.

Были у казаков замечания и по поводу других, тоже чисто финансовых, аспектов НВП: налоги, цены на снаряжение и т. д. Наверняка они припомнили и то, что в данный момент войско было в особенно плохой финансовой форме после неурожая последних нескольких лет, большого падежа скота и неудачных рыболовецких сезонов. Для примера: традиционный улов красной рыбы в 18–20 тысяч пудов упал в 1871 году ниже 7 тысяч пудов и так и не выровнялся до прежних размеров. Улов чёрной рыбы упал с 300–600 тысяч пудов до 12 тысяч пудов в 1870-м, а в 1874 году улов такой рыбы составил 45 тысяч пудов (Бородин, стр. 425). Такая же картина наблюдалась и с урожаями: урожаи озимых упали с 229 и 124 тысяч пудов в 1867 и 1868 годах до 9 тысяч пудов в 1872-м, да и в другие годы, начиная с 1869-го и по 1873-й, урожаи озимых держались на уровне 30–40 тысяч пудов. Урожаи яровой пшеницы тоже сократились вдвое (Бородин, стр. 515).

Гурьев. Плавня на Урале. Фотография из очерка В. Е. Фосса, 1868

После неурожая хлеба в 1872 и 1873 годах в войске был настоящий голод. Положение многих семей было настолько бедственное в связи со всеми климатическими несчастьями последних лет, что в войске было решено создать временный комитет по раздаче хлеба бедным. Всего за тот период было роздано хлеба на 34 тысячи рублей («УВВ», 1873, № 1, стр. 2), и даже больше, потому что это данные до конца 1872 года, а 1873 год тоже был голодным, так что раздача хлеба продолжалась (см. приложение к этой главе). Долг этот повис на казаках мёртвым грузом. Когда Н. А. Бородин писал свой статистический отчёт в 1891 году, этот долг так ещё и не был выплачен, а точнее, за два десятилетия выплачено было всего 4 тысячи рублей (стр. 519).

В том первом прошении казаки писали что «не думают сопротивляться властям, напротив, молят Господа, чтобы Он сохранил их и всё войско от какого-либо покушения, но желают, как дети, видящие в высшем начальстве старших себя, заявить о своей просьбе и желании» («Столетие...», стр. 272). В заключение своего экономического прошения ходоки предлагали отменить НВП временно и обсудить его. Последняя фраза была: «Если вы не поможете нам, то мы обратимся к командующему войсками Оренбургского военного округа, а если и он не поможет, то помолясь Богу, будем добиваться дойти до Государя», как процитировал в своей статье В. Чеботарёв. Ходоки достигли эффекта, противоположного ожидаемому. Вместо того чтобы обсудить финансовые аспекты НВП и их возможные последствия, и. о. атамана К. Ф. Бизянов категорически отмёл возможность любых переговоров, дал им время «одуматься» и в итоге, когда они от своего мнения не отказались, арестовал стариков.

Что послужило толчком для столь радикальной реакции? Единственное логичное объяснение, которое приходит мне на ум, – исполняющий обязанности (и. о.) наказного атамана испугался того, что казаки посмели думать самостоятельно, без указки сверху, да ещё и группой (а сборищ любая администрация всегда боится, поэтому они были в России противозаконными, а в случае с данным прошением налицо

было не только массовое, но и хорошо организованное обсуждение). Не в организованности ли казаков К. Ф. Бизянов усмотрел угрозу монархии?

Природный уральский казак генерал-лейтенант Константин Федотович Бизянов, голубая кровь УКВ, построил свою карьеру не столько среди казаков, сколько среди писцов. Он был высокопоставленным чиновником в войске, но каким был его опыт управления казаками? К. Ф. Бизянов руководил большим управлением (хозяйственным), но думается, что среднестатистический казак сильно отличался от среднестатистического чиновника хозяйственного управления. Он замещал наказного атамана Н. А. Верёвкина в 1873 году на время Хивинского похода. Было ли этого опыта достаточно? Может быть, неопытность в обращении с казаками привела к тому, что Бизянов решил пресечь «крамолу» в зародыше, используя вполне чиновничий подход? Это, конечно, лишь предположение, но как ещё можно объяснить арест уважаемых и престарелых просителей? Можно также с уверенностью предположить, что этот шаг и. о. наказного атамана не произвёл хорошего впечатления на УКВ. Не было открытых протестов, никто не пришёл ходатайствовать за арестованных, однако можно догадаться, что это спокойствие было лишь поверхностным.

Наверняка в войске стала складываться нездоровая атмо-

сфера по отношению к администрации (которой и до того не доверяли и подозревали в нечистоплотности, причём вполне справедливо). Сами казаки не оставили многословных документов о том времени и как именно они обсуждали те события (они не писали рапортов, не конспектировали свои собрания, не вели дневников), в отличие от администрации войска, которая сразу засуетилась и начала круговращение бумаг.

Из нескольких прошений, в которых упоминается этот период, мы знаем, что казаки продолжали обсуждать НВП (без намерений бунтовать), продолжали задавать вопросы, на которые не получали ответа, и можно предположить, что они продолжали подсчитывать, как НВП ударит их по карману, обсуждать неожиданный арест Ботова и Кирпичникова, а заодно и другие события, случившиеся параллельно или недавно... Могло получиться и так, что в свете происходивших событий не связанные между собой факты (такие как знаменитое распространение букваря в школах) оказались смешаны в одну кучу и тоже служили аргументами и подливали масла в огонь. Одно неосторожное решение чиновника – и в войске моментально сложилась нездоровая атмосфера.

Да и событий, прямо относившихся к НВП и реформаторской деятельности государства в целом, в предшествующие

несколько лет было тоже достаточно. Всевозможные реформы, менее радикальные, чем НВП 1874 года, но тоже важные, принимались и в 1869 году, и в 1870-м. Затрагивали они и административные стороны жизни, и хозяйственные; и в духе российских реформ после 1861 года (отмена крепостного права!) эти реформы должны были быть демократичными. В России вводились земства – так называемое народное управление. Считалось, что народу даётся возможность решать свои проблемы. Реформы, предназначавшиеся для казачьих войск, тоже были «демократичными». Казаки с этими реформами знакомились и потом выражали своё неодобрение.

Так, за год до описываемых событий, в марте 1873 года, казаки прислали большую делегацию (25 человек) с протестом против несправедливого распределения голосов по очередной такой реформе. Сандрь писал, что эта делегация пришла с предложениями по улучшению НВП, с которым казаков якобы ознакомили. Сандрь основывал это мнение на мемуарах полковника Темникова, которые я не читала, но которому я по многим причинам не доверяю, и причины эти будут описаны в главе «Суды неправедные». По другим источникам, делегация 1873 года была по поводу одной из хозяйственных реформ. Более точных сведений об этом событии нет, но пример этой многочисленной депутации приводится в литературе не раз.

Суть прошения в марте 1873 года была в неравенстве голосования: все чиновники войскового управления имели право голоса при решении войсковых проблем, а казаки имели право выставить лишь два голоса от целой станицы. Всего два человека могли явиться на голосование от 200, 300, 400 дворов (а в станице Студёновской было полторы тысячи дворов, а в Круглоозёрновской – все пять с половиной тысяч дворов), в которых могли проживать 400, 500, 600 мужчин (а сколько их было в Студёновской или в Свистуне?..), не считая детей и женщин. О праве женщин голосовать даже и речи не шло, но и у мужчин право голосовать не доходило даже до полпроцента в лучшем случае, а в худшем не составляло даже и сотую часть процента.

Неудивительно, что после вереницы таких новшеств казаки относились к очередным нововведениям без энтузиазма. В 1873 году на их протест никто внимания не обратил, но никого и не арестовали за это. Войску оставалось только гадать, что же спровоцировало такую кару в 1874 году.

Однако на публике все эти сомнения и гадания особо не высказывались, потому что об этом нет никаких свидетельств. Видимо, казачьи массы осознавали то, что Н. П. Огарёв высказал в одной из своих статей: «И если правительство грабит, то кому на правительство жаловаться? Извест-

но, что некому» («Общее вече», 1863, № 9).

Пока войско втихомолку бродило, и. о. наказного атамана тоже не дремал. Видимо, тот факт, что кто-то посмел думать и действовать без разрешения начальства, лишил его покоя, и он решил подстраховаться. Бизянов отдал распоряжение собрать с войска подписки о согласии с НВП. Именно с этого решения генерала Бизянова начались фарс и трагедия так называемого бунта 1874 года.

Приложение к главе «Предыстория бунта»

Говоря о России, он (*Наполеон – Т. Е.*) сказал: «Если вы не остережетесь, эта страна возобладает над всеми. Она уже и теперь достигла такого развития сил, при котором можно очень многое. Государь ея миролюбив, и это счастье для вас, большое счастье. Достаточно было бы одних легких войск, казаков, пущенных по всем направлениям, чтобы порядочно растрепать Европу».

«Но, – сказал адмирал, – по наружности, казаков нельзя считать отличной конницей».

«Не рассчитывайте на это, – возразил Бонапарте, – они сметливы до тонкости, отлично понимают партизанскую войну, ловко накрывают неприятеля, ловко врезаются в него, а потом и след их простыл; их же самих невозможно побить порядком. Они пробираются чутьем по чужим странам, не зная ни языка, ни дорог; они везде суши, продовольствуются добычей. Мне никогда не случалось брать казаков в плен».

Граф де Бальмен, цитируется по Фадееву, стр. 228

* * *

Российский офицер в форме Кавказской дивизии 1822—1827 гг.

Осетинский и армянский Гюль-Мушакской сотни с 1792—1802 гг.

Иллюстрации из книги Н. Мартынова «Исторический очерк столетия лейб-гвардии Уральской казачьей сотни», С.-Петербург, 1898

* * *

Крепкое телом, сильное духом, низовое козачество, подобно летучей комете, бурно пронеслось по всей широкой Украине, везде оставляя за собой кровавый след и всюду мстя страшную местью врагам своей предковской веры и противникам своей русской народности... И разлилась та слава казацких подвигов далеко-далеко, наполнив собою сердца не только ближних, но и отдаленных потомков низового «лыцарства». И до сих пор слепцы-кобзари разносят ту громкую славу...

Б. К-нов

Уральскаго войска казакъ, Дмитрій Лаврентьевичъ Аржановъ, изъ сочувствія къ тому, что бѣдные жители Калмыковскаго уѣзда претерпѣваютъ нынѣ крайнюю нужду въ пропитаніи себя съ семействами, пожертвовалъ 452 руб., для того, чтобы хозяйственное правленіе распорядилось чрезъ Старшаго члена торговой депутаціи, г. Бокаущина, отправкаю изъ войскового магазина 100 четвертей муки для раздачи бѣднѣйшимъ жителямъ Каршинскаго Дебашенскаго, Котельновскаго, Харкинскаго фори., Кулагинской и Горской крѣп., въ первыя пять селеній по 15 четв., а въ послѣднюю 25 четвертей.

Вслѣдствіе сего, войсковое хозяйственное правленіе, принявъ это весьма важное въ настоящее время пожертвованіе казака Дмитрія Аржанова и сдѣлавъ распоряженіе объ отпускѣ изъ Уральскаго войскового магазина 100 четвертей муки въ распоряженіе Старшаго члена торговой депутаціи, съ симъ вмѣстѣ, довсело объ этомъ пожертвованіи г. командующему Уральскимъ войскомъ и считаетъ, за тѣмъ, вриятнымъ долгомъ объявить объ этомъ по

Как только получалось верное известие о появлении неприятеля – со стороны Дона или от Украины – несколько сотен, с походным атаманом впереди, неслись напрямик, через степи в тыл противнику, сторожили его на перевозах, ожидали у бродов, налётом отнимали добычу и невольников. Самые дальние наезды казаки совершали ночью, шли по звёздам, нападали во время бури или сурового ненастья, когда враг меньше всего ожидал нападения. Пока он опомнится, пока соберётся, удалцы уже скрылись во тьме, с табунами лошадей, с прелестными пленницами. «Казак шёл в траве, вровень с травой», говорили в старину: высокий ковыль, кустарник, овраг, плетень – всем укрывался казак, не брезговал ничем...

Смотря по надобности, казаки сражались конным строем или же пешие. Если случалось им быть окружёнными, они быстро смыкались, батовали лошадей и отстреливались из-за них до тех пор, пока хватало пороху или же пока неприятель, наскучив осадой, отходил прочь. Нападали же казаки всегда лавой, т. е. длинным разомкнутым строем, при помощи которого они охватывали противника с флангов, заскакивали ему с тыла; за первой лавой следовала другая, потом

третья... Редко кто мог устоять, заслышав гиканье, завидев грозно ошестинившиеся казацкие пики. При одновременном участии конницы с пехотой, последняя становилась посредине, при своих орудиях, а конница на обоих флангах. (...) Такова была простая, безхитростная тактика казаков, рассчитанная на верную удачу над противником, с которым им приходилось встречаться в открытом поле: ногаями, татарами, калмыками или иными кочевниками русских окраин.

Абаза, стр. 18–19

* * *

Было занимательно наблюдать временное уважение, которое они оказывали атаману. Если он собирал всё население по делу, неважно какому незначительному, они ему оказывали уважение, стояли перед ним с обнажёнными головами, как в присутствии владыки; но лишь только собрание закончилось, он проходил среди казаков незамеченный, не получая никаких особенных знаков уважения – не больше чем любой другой казак. Это должность, которая переизбирается ежегодно; но если атаман особенно популярен, он может удерживать эту должность годами, будучи перевыбран ежегодно. Я верю, такое не часто происходит. Наш хозяин был в этой должности первый год, и его предшественники в основном сменялись каждый год.

Clark, стр. 151, перевод Ефремовой Т.

* * *

XVII столетие заканчивает собою период полной самостоятельности казачества. Казнь Разина и его сообщников наносит сильный удар и казачьей вольнице, и всей беглой Руси. Начиная с этого времени, силы правительства крепнут и развиваются, а параллельно тому, силы народные слабеют и заключаются в самих себе. Различные сословия теряют одно за другим все прежние права самоуправления, которые заменяются строгой централизацией, а вслед за тем и казачьи общины тоже подчиняются государственному началу и также теряют свой исключительный характер. Таким образом, с XVIII веком начинается упадок казачества, а следовательно и новый период в его истории.

Рябинин, стр. 26

* * *

С начала поселения казаков на реке Яик до 1613 года, к которому относятся официальные сведения о подчинении их русскому правительству, яицкие казаки представляли из себя вполне самостоятельную демократическую общину, устроившую свои общественные отношения по типу всех вольных казацких общин. В основе лежала свобода, равен-

ство и отрицание принудительной власти. Все общественные вопросы решались в кругах, происходивших обыкновенно на площади или у атаманского дома (впоследствии у войсковой избы). Народ созывался в это собрание колокольным звоном; порядок обсуждения дел в них отличался крайней простотою. Письменного производства не существовало.

Бородин, стр. 8

* * *

Пограничное военное население, окаймлявшее Русь, пользуясь обширными льготами и вольностями, могло скорее назваться противниками, чем союзниками московского самодержавия, – и действительно везде, где было возможно, оно противилось притязаниям правительства и принимало сторону народа. Создать постоянную военную силу, на которую можно было бы всегда положиться и ввести, с помощью ее, все части государства в общую государственную систему управления, уничтожить всякое отдельное право, нарушающее преимущества верховной власти, слить все отдельные общины в одну массу верноподданных – вот задача, которую московское государство должно было выполнить (...).

Рябинин, стр. 27–28

* * *

Государственное, приказное, начало проникает повсюду. Государственная власть не доверяет самостоятельности общества и все подчиняет себѣ, своим органам; Петр Великій самъ хотѣлъ всѣмъ управлять и за всѣмъ надзирать. Поэтому приказное начало получило самое широкое развитіе.

Смирнов, стр. 60

* * *

Сильные своим числом, военной организацией и демократическим устройством, казаки не раз принуждали правительство к уступкам...

Рябинин, стр. 2

Внимательно и беспристрастно разбирая последующие обстоятельства этого дела (*бунт 1762 года – Т. Е.*), поражаешься невольным удивлением. Прошлый век проступает из него весь наружу с своим взяточничеством, развитым в неслыханных размерах во всех слоях администрации; с своим диким произволом властей, наглым презрением к справедливости, явным неуважением к закону. С другой стороны встречаешь долги и напрасныя воззвания к защите закона,

непоколебимую энергию духа и уверенность в своей правоте, и наконец борьбу, борьбу до последнего дыхания, до последней капли крови за права и возлюбленные вольности.

Рябинин, стр. 39

* * *

Только с конца шестидесятых годов прошлого столетия (1860-х – Т. Е.) начали постепенно открываться крепкие заборы, с одной стороны, ограждавшие казаков от вторжения к ним лиц других сословий, а с другой стороны – удерживавшие и самих казаков от выхода из своего сословия и смешения с прочим населением Империи.

«Столетие...», стр. 1

С освобождением крестьян исчезла та пропасть, которая отделяла свободного казака от крепостного крестьянина и которая препятствовала слиянию их в одно целое. С другой стороны – покорение Кавказа и русские успехи в Азии, имея своим результатом замирение инородцев, изменили значительно условия, в которых жили казаки, заменив боевую обстановку мирной. Вследствие этого решено было сблизить казаков, в отношении устройства их гражданского быта, с прочим населением Империи. С этой целью в шестидесятых годах (1860-х – Т. Е.) был предпринят пересмотр казачьих законоположений, имевший весьма существенные результа-

ты. Так, разрешён был выход из войскового сословия и зачисление в него посторонних лиц, разрешено иногородним селиться на казачьих землях, казачьи территории включены в состав губерний и областей, в отношении суда, полиции и общего административного управления казаки подчинены действию общих правил; изданы новые правила о земельном устройстве (1869 г.), о торговле (1870 г.) и проч., придерживавшиеся, в чём только можно, общих порядков, в особенности же порядков, установленных для крестьян.

«Столетие...», стр. 26

Сущность этих преобразований сводится к постепенно-му слиянию общей и казачьей систем воинской повинности. Преобразования эти продолжаются уже около 40 лет и конечным результатом их неизбежно должна быть замена двух ныне существующих систем воинской повинности, общей и казачьей, одной. (...) Прошло уже то время, когда казаки служили преимущественно на смежных с инородцами окраинах государства – на линиях разных наименований, когда служба их ограничивалась одним постоянным районом и потому имела преимущественно местный характер, в противоположность регулярным войскам, служившим везде, где была надобность в военной силе. Если мы заглянем в современное росписание войск, то увидим, что казачьи строевые части служат преимущественно вне своих войск. (...) Вообще казачьи строевые части в настоящее время имеют совершен-

но то же назначение, что и регулярные войска.

«Столетие...», стр. 29

* * *

(...) в настоящее время историческая роль казаков, по-видимому, вполне окончилась, и во вновь присоединённых окраинах, именно в Туркестане, нет даже и речи о водворении казаков, а на Амуре и Усури, быть может, казаков придется обратить в простых поселян, каковы они и суть по своему происхождению и характеру.

Винюков, стр. 19

О вооруженіи казачьихъ войскъ новыми
ружьями. Одна изъ потребностей казачьихъ вой-
скъ въ строевомъ отношеніи — заключается, по сло-
вамъ *Русск. Мира*, въ снабженіи ихъ новымъ, усо-
вершенствованнымъ оружіемъ. Въ наступившемъ
году будетъ приступлено къ изготовленію, на на-
шихъ казенныхъ оружейныхъ заводахъ, скорострѣль-
ныхъ казачьихъ ружей, съ отнесеніемъ половины
;асхода на счетъ казны, а другой половины — на
войсковыя суммы. Для вооруженія новымъ оружіемъ
Донскаго, Кубанскаго, Терскаго, Оренбургскаго,
Уральскаго и Астраханскаго казачьихъ войскъ
потребуется до 130,595 ружей, не считая запаса.
Полное перевооруженіе вышеназванныхъ войскъ
можетъ быть окончено въ 6 лѣтъ.

«УВВ», 1873, № 13, стр. 4

(...) вопросы, остававшіеся под спудом целые века, зре-
ют теперь не по дням, а по часам, и положить их опять под
спуд — не во власти правителей. Все народы это знают и по-

тому не только вооружаются с головы до ног, но, чего прежде не было, с готовностью принимают на себя тяжесть чрезмерных вооружений. У толпы вообще чутье не дурное, и если она жертвует многим для военных целей, даже в Англии, значит нельзя сделать иначе. Этот странный, хотя довольно объяснимый перелом европейской истории не может тянуться долго; он кончится сам собою, как только разсекутся мечом современные гордые узлы – но беда тем, кого он застигнет неготовыми.

Фадеев, стр. 68

* * *

Телеграмма Генерал-Лейтенанту Верёвкину

...Позвольте выразить Вашему Превосходительству и Уральскому казачьему войску Мою искреннюю сердечную благодарность за привет, который дорог моему сердцу. Для Меня на всю жизнь останется дорогим воспоминанием, что Я участвовал в походе вместе с Уральскими казаками. Николай.

Его Императорское Высочество Николай Константинович
«УВВ», 1873, № 49, стр. 1

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЫСОЧЕСТВО
Великія Князь
Николай Константиновичъ.

Фотография из книги Ф. И. Лобыевича «Описание Хивинского похода 1873 года»

* * *

Но конец 1874 г. и особенно следующий за ним 1875 год, без сомнения, останутся надолго памятны Уральскому войску по тем печальным для войска последствиям, к которым привело некоторых открытое сопротивление новому положению о воинской повинности и хозяйственном управлении в Уральском войске, Высочайше утверждённому 9 марта 1874 г.

Витевский В. Н., стр. 188

* * *

Организация внутреннего хозяйства, воинской повинности и местного управления Уральского войска имеет много особенностей, присущих только одному этому войску. Такие основные для казачьих войск законы, как положение о поземельном устройстве (1869 г.), устав воинской повинности войска Донского (1875 г.), положение об общественном управлении станиц (1891 г.), составляющие общее достояние всех казачьих войск, до настоящего времени не применены ещё к Уральскому казачьему войску. Вообще, все главные реформы, производимые правительством в устройстве казачьих войск, применяются к Уральскому войску обыкновенно.

венно много позже, чем к другим войскам, при том большей частью, с значительными отступлениями, а иногда не применяются вовсе.

Эта обособленность и, так сказать, самобытность Уральского войска объясняется одним, весьма характеризующим это войско, обстоятельством, а именно – усиленным развитием в нём общинных начал.

«Столетие...», стр. 226

Всеобщность и равенство являлись (...) первым отличительным признаком воинской повинности казаков. Вторым, не менее важным, отличительным признаком являлось то, что казаки отбывали службу по очереди, сменяясь через некоторые, сравнительно краткие, промежутки времени, при чём до наступления новой очереди оставались свободными от службы и могли предаваться своим домашним мирным занятиям. (...) Преимущества такого порядка очевидны, и потому казаки всегда считали этот порядок своей главнейшей и неотъемлемой привилегией, как людей свободных.

«Столетие...», стр. 95

Итак, полезные стороны казачества были хорошо известны Петру Великому и он умел широко пользоваться ими.

Известны были Петру I и дурные стороны казачества: своеволие казаков, отсутствие дисциплины. С этой стороны

на казаков было обращено должное внимание: во-первых, казаки были переданы в ведение новоучреждённой Военной Коллегии, во-вторых, у казаков было отнято право выбирать атаманов, которые стали назначаться Высочайшей властью.

Эти меры значительно усилили связь казаков с Империей.

«Столетие...», стр. 22

...Уральское войско составилось из наиболее беспокойных, а главным образом, наиболее независимых элементов, ревниво оберегающих свою личность от всякого постороннего вмешательства.

Начала равенства, легшие в основу организации всех вообще казачьих общин, достигли поэтому, в общине Яицких казаков особенно сильного развития, равно как и независимость отдельных членов общины.

Община не делилась, подобно прочим казачьим войскам, на станицы, а предоставляла собою однородную массу вполне равноправных и почти совершенно не признававших ничьей власти казаков.

«Столетие...», стр. 238

* * *

С умножением казачества, преемники Михаила Фёдоро-

вича делали надбавки к прежнему жалованию, за что, конечно, кроме радетельной службы, требовали от казаков и большего послушания.

Абаза, стр. 26

Между благодетельными распоряжениями высшего начальства были и такие, которые вызывали неудовольствия среди казаков, возбуждали между ними ропот. Вожаками непокорных всегда являлись старые казаки, особенно сведущие в Св. Писании, или начётчики. Они не хотели признавать никаких перемен, «новшеств», хотя бы то было полезно для них самих и необходимо для блага государства. Они желали жить по старине, по заветам и обрядам до-Петровской Руси, что было общим желанием людей «старой веры». А среди яицких казаков старая вера, до-Никоновская, была в большом почёте.

Абаза, стр. 190

* * *

...они (власти) привыкли к регулярным восстаниям среди казаков, потому что правительство Екатерины II всегда стремилось к ограничению их свободы. Двамя годами раньше восстание в Уральской области было жестоко подавлено. У государства были веские причины не доверять казакам: они были отличные воины, но они были чужеродным телом

в государстве, маленькая народность состоящая в основном из искателей приключений всех национальностей, которые подчинялись только их вожакам и признавали только их собственные законы, тем более неуправляемые, потому что почти все они были староверы. Государство регулярно делало решительные усилия приравнять их к регулярным войскам, но для казаков худшее, что могло с ними случиться, – это превратиться в обыкновенных солдат, потому что под «солдатом» подразумевалось «раб», и тогда они были бы обязаны брить свои бороды и креститься православным манером.

Oldenburg, стр. 250, перевод Ефремовой Т.

* * *

Коснувшись воинской повинности казаков, здесь будет уместно рассмотреть наряды их на службу. Постоянный наряд простирался до 1100 человек, сменяемых ежегодно. Тысяча из них располагалась кордоном вдоль Урала и обороняла Яицкую линию от набега ордынцев. Кордонные или форпостные казаки размещались в Яицком и Илецком городках, Кулагинской и Калмыковской крепостях и в 19 тогдашних форпостах; сто человек постоянно находились в Гурьевском городке и служили помощью тамошнему гарнизону. С 1766 года, приказано было посылать 500 человек в Кизляр, а с 1769 года, вменено было в обязанность отправлять ежегодно в Москву, в легионную команду, 300 с лишком казаков.

Кроме этого могли быть, и действительно бывали, экстренные наряды. Не принимая во внимание экстренную службу и останавливая внимание только на цифре постоянного наряда, напр. на 1769 год, ровного почти двум тысячам казаков была очень не легка: казаков, вышедших тогда из возраста малолетков, числилось в войске не свыше 4600 человек, следовательно, на службу отправлялось, без экстренных нарядов, близко половины взрослого народонаселения.

«Борьба партий...», «УВВ», 1869, № 14, стр. 9

* * *

– Да, – прибавил, усаживаясь на скамье, молодой человек в форме, – такой же вот казак, как и я... (...)

– Такой же, да не такой, – сказал торговец поучительно.

– Нет, такой же, – ответил казак. – Только я вот служил, а он мою землю пахал, да мою траву косил... Только и есть...

Купец не возражал. Впоследствии эту фразу о службе и о «моей земле» я слышал не раз из уст бедных казаков, для которых эта «вольная степь» с ее общинными порядками часто является мачехой... Явление старое! Нигде, быть может, проблема богатства и бедности не ставилась так резко и так остро, как в этих степях, где бедность и богатство не раз подымались друг на друга «вооруженной рукой». И нигде она не сохранилась в таких застывших, неизменных формах. Исстари в этой немежеванной степи лежат рядом «вольное»

богатство, почти без всяких обязанностей, и «вольная» бедность, несущая все тягости...

Короленко, IV

– Стар дедушка, немудрено и забыть, – заступился я.

– Какое стар, – насмешливо заметил один из казаков. – До сих пор «наемку» плотит.

«Наемка» – старый войсковой обычай, из-за которого тоже было много замешательств. Не желающие служить вне области нанимали за себя охотников. Впоследствии это выродилось в налог, который остающиеся платят в войсковую казну, вместо службы натурой (после обязательного срока). Списки ведутся безобразно, и на этой почве много злоупотреблений. Жертва одной из таких «ошибок» была перед нами. Это был старик с совершенно седыми густыми кудрями и тусклыми, когда-то голубыми глазами. На нем был смешной серый пиджак и форменные штаны с лампасами. Глаза глядели с тупой покорностью, но на лице застыло выражение застарелой обиды.

Судьба его – типичная судьба многих бедняков, сынов вольной, неделеной степи. Он одинок, потому что за службой не успел жениться; беден, потому что за службой не мог пользоваться дарами вольной степи и вольной реки. И вдобавок, теперь, в конце седьмого десятка, когда он уже двигается с трудом, он все еще вынужден откупаться от этой обездолившей его службы.

* * *

В основе наемки лежат два главные положения: во-первых, что воинская повинность есть повинность всей общины; и во-вторых, что отдельный член общины, вызвавшийся по собственному желанию выполнить эту повинность за общину, имеет право на соответствующее вознаграждение со стороны прочих членов общины, по свободному с ними соглашению.

«Столетие...», стр. 234

Невыгодные стороны наёмки усматривались: 1) в том, что, при вызове в военное время на службу всех строевых частей войска, в них могли бы оказаться люди совершенно не подготовленные к службе, как не выполнившие её ни разу, и 2) в том, что строевые части войска не могли бы быть очень быстро мобилизованы, так как операция наряда на службу требовала известного времени.

«Столетие...», стр. 267

* * *

С введением окладов жалованья служащих, даже и части

печаточных денег не следовало бы раздавать служащим чиновникам, но раздача продолжалась, причём самоё распределение денег делалось совсем уже несправедливо: все равно, рассуждали чиновники, суммы в 15000 ассигн. (4285 р. сер.) на всех делить не стоит – достанется по грошам, а потому лучше разделить лишь между стоящими близко к общественному сундуку чиновниками, а на долю остальных оставить только вождедения, лишив даже многих вдов и сирот какой бы то ни было помощи.

Бородин, стр. 815

* * *

Заложилась наемка, как говорят казаки, или установилась цена, подможных мирских денег по восемьсот рублей. Проклятову негде взять двухсот рублей на свою долю, надо идти служить самому. Дай пойду, говорит, возьму еще раз деньжонки, авось в последний сам соберусь и своих наделю и послужу напоследях Великому Государю.

Даль В. И.

* * *

Службу уральцы справляют не по очереди, а «подмогой», что считают для себя более выгодным, потому что бедный

казак может поправиться. Войсковое правление ежегодно делает денежную раскладку, сколько причитается на каждого казака «подможных»; оно же их собирает и выдаёт поступающим на службу по охоте, «охотникам». Те, которые идут в армейские полки, получают меньше, примерно 200 р., в гвардейский эскадрон больше, например 250 р. Если казак по бедности не может внести подможных, он остаётся в «нетчиках», а года через два или три, когда за ним накопится этих «нетчиковых» денег, его зачисляют прямо на службу, причём вычитают из его подмоги всю накопившуюся недоимку. Однако, ни один казак, будучи в служилом возрасте, т. е. между 21 и 35 годами, не может постоянно откупаться от службы; он обязан прослужить, по крайней мере, хотя один год. Богатые казаки поступают в уральскую учебную сотню, где они отбывают службу в один год, на своих харчах и квартире, а все остальные идут на три года в полки. Это так называемые обязательные, обязаны прослужить. В случае призыва всего войска, поднимаются все казаки, способные носить оружие, кроме отставных.

Абаза, стр. 220

* * *

Дело в том, что уральские казаки все требования правительства выполняли по укоренившемуся обычаю целой общиной, всем «войском», распределяя уж по своему между

населением всю тяготу этих требований.

Бородин, стр. 726

* * *

Но вот прошли века. Государственное тягло снято с отдельных сословий и распределено равномерно на всё население Империи: дворяне освобождены от обязательной государственной службы, крестьяне избавлены от крепостной зависимости; казаки же, наоборот, оказались обязанными государству службой не в пример прочим сословиям.

«Столетие...», стр. 6

(...) воинская повинность для казаков была не только личной, но и тяжёлой имущественной повинностью, вследствие расхода на снаряжение и лошадь, что к действительному выполнению воинской повинности привлекалось у казаков всё способное к службе, или даже только к труду, мужское население, что льготы по семейному и имущественному положению имели лишь условное (...) значение, что прежние привилегии (...) уже были утрачены казаками...

«Столетие...», стр. 119

В первый период организация воинской повинности определялась, главным образом, правилами, выработанными самим войсковым населением, без всякого участия или при

малом участии правительственной власти. В течении второго периода воинская повинность определялась, наоборот, главным образом, правилами, выработанными правительством. Издание положения 1874 года представляет собою довольно резкою грань, отделяющую два периода, являясь попыткой объединить в одно целое и самобытную систему, выработанную войском, и требования правительства.

«Столетие...», стр. 15–16

...условия военного дела настолько изменились в сравнении с недалёким прошлым, что было бы неосторожно давать этому прошлому решающее значение.

«Столетие...», стр. 31

Для разбора жалобъ посылается на Яикъ генераль-маіоръ Потаповъ. Онъ тянетъ слѣдствіе 4 года, но неимѣя возможности оправдать виновныхъ старшинъ и атамана, противъ которыхъ слишкомъ много уликъ, представляетъ наконецъ дѣло въ военную коллегію (*). Приговоръ послѣдней опредѣляетъ: атамана и старшинъ лишитъ достоинства и не выбирать впредь ни въ какія должности, наложить на нихъ денежный штрафъ и взыскать удержанное жалованье; тѣхъ же казаковъ войсковой партіи, которые сдѣлали ложные доносы—наказать плетью. Объявленіе конфирмаціи поручается нѣкоторому маіору Новокрещенову, составлявшему въ то время перепись въ яицкомъ войскѣ. Новокрещеновъ явно закупленъ старшинами и приводитъ въ исполненіе только одну часть приговора, которая касается войсковыхъ казаковъ, рѣшеніе же о старшинахъ не хочетъ объявлять, не смотря на неоднократныя просьбы войска. Напослѣдокъ онъ требуетъ, чтобы казаки собрались гуртомъ у его дома, для выслушанія рѣшенія, но вмѣсто того угроживаетъ собравшихся выбрать въ атаманы одного изъ своихъ клеветовъ. Казаки ропщутъ и упрекаютъ Новокрещенова въ явной несправедливости, а тотъ дѣлаетъ доносъ въ коллегію, что они не хотятъ повиноватся и бунтуютъ.

Получивъ такое донесеніе, коллегія, не разобравъ дѣла, посылаетъ громоносный указъ о повиновеніи законамъ и безпрекословномъ исполненіи приказаній начальства, и поручаетъ генераль-маіору Черепову объявить его. Череповъ является въ сопровожденіи отряда драгунъ и тотчасъ же собираетъ кругъ. Тутъ происходитъ странное недоразумѣніе: казаки стоятъ поодаль отъ перилъ крыльца, съ котораго читается указъ; Черепову хочется, чтобы они подошли ближе, но тѣ отнѣживаются. Чтобы убѣдить ихъ въ справедливости своего требованія, Череповъ даетъ приказаніе драгунамъ стрѣлять въ стоящую передъ нимъ толпу, послѣ чего, оказывается довольно убитыхъ и раненныхъ. Съ остальныхъ, обезумѣвшихъ отъ страха и неожиданности берутъ тутъ же подписку, что указъ слышали и повиноватся впредь будутъ. Послѣ отъѣзда Черепова, войско входитъ въ коллегію съ новой жалобой и мольбами о защитѣ и справедливости.

Въ тоже самое время происходитъ и другое обстоятельство. Указомъ 15-го мая 1766 г. существовавшая въ войскѣ наемка замѣнена очередною служ-

(*) Указомъ 13 декабря 1765 г. отмѣнена зависимость войска по сулѣннымъ дѣ-

Страничка из книги А. Рябина с образцом государственного расследования по прошению казаков Яицкого казачьего войска в XVIII веке

* * *

Поэтому в переходные времена, каково и наше, когда вводятся в жизнь новые принципы, новые взгляды, не должно ограничиваться надстраиванием системы старых приемов — кусками новых. (...) Система, в которой неизбежность нововведений не устанавливается самим существом дела, а ставится в зависимость исключительно от усердия старых слуг новому делу, вполне пригодною признана быть не может.

Озерский, стр. 6

* * *

Проезжая нынешней весной по линии от Уральска до Гурьева, в редком форпосте не приходилось слышать от жителей жалоб на стеснённое положение, на дороговизну и недостаток в хлебе, в корме для скота, на безденежье и бедность. Действительно, в форпостах удалённых от Уральска и Гурьева, хлеб доходил до двух с половиною и, даже, до трёх руб. за пуд. Хлеб по такой цене, само собою, не доступен бедным, особенно если принять во внимание бедственную плавл-

ню прошлого года и вообще плохой улов рыбы. Удовлетворительного сбора луговых трав не было несколько лет сряду, прежние запасы сена истощились, а подножного корма также не было. Запасы сена оставались только у людей зажиточных, и на помощь с их стороны могли только рассчитывать бедные.

«УВВ», 1873, № 22, стр. 2

* * *

Радостные и веселые возвратились в 1873 г. уральские казаки из тяжелого степного похода под Хиву под начальством своего атамана Н. А. Веревкина. Много невзгод, лишений и трудностей пришлось претерпеть им во время этого похода; многих товарищей потеряли они в безводной и знойной степи, в делах с неприятелем ранен был и атаман их, и все эти невзгоды были забыты, едва увидели казаки родной Урал. Разбрелись казаки по станицам и уметам и за мирным трудом, за рыбачением, да в семейном кругу вспоминали и переживали походные впечатления, похваляясь лихостью и своими военными подвигами; украшенные георгиевскими крестами за боевые заслуги, гордились они своей славой и, что называется, насквозь пропитаны были воинским духом, беззаветной преданностью военному делу и казачьим традициям.

Вотъ въ это-то самое время по Уралу пронеслась тревожная вѣсть о новомъ положеніи, которое должно быть введено въ войске. То было положеніе о воинской повинности и хозяйственномъ управленіи въ Уральскомъ казачьемъ войске, высочайше утвержденное 9 марта 1874 года. Начались сходки и совѣщанія казаковъ; никто изъ нихъ доподлинно не зналъ, въ чемъ собственно должна была состоять реформа, и слухи, одинъ нелепѣе другого, волнуя общественное мнѣніе, стали распространяться въ темномъ казачьемъ кругу.

Сандръ

* * *

Рассмотревъ этотъ проектъ, я нахожу, что в первыхъ четырехъ параграфахъ его устанавливается отбываніе воинской повинности в Уральскомъ казачьемъ войске на совершенно новыхъ началахъ, на основаніи коихъ каждый казакъ долженъ непременно лично служить... между темъ система наёмки до того усвоена уральскими казаками, что всякій крутой переворотъ к новому порядку отбыванія повинности, можетъ разрушить ихъ благосостояніе, что конечно самымъ вреднымъ образомъ можетъ отразиться на исправномъ отправленіи ими, какъ воинской, такъ и другихъ повинностей...

Изъ письма генерал-губернатора Оренбургской области Н. А. Крыжановскаго начальнику Главнаго управления иррегулярныхъ войскъ А. П. Богуславскому, апрель 1873 года, цит.

тируется по С. В. Кольчеву

*** * ***

МЫ, АЛЕКСАНДР ВТОРЫЙ, ИМПЕРАТОР И САМОДЕРЖЕЦ ВСЕРОССИЙСКИЙ

**Царь Польский, Великий Князь
Финляндский и проч., и проч., и проч.**

Объявляем всем нашим подданным.

В постоянной заботливости о благе нашей Империи и даровании ей лучших учреждений МЫ не могли не обратить внимание на существовавший до сего времени порядок отправления воинской повинности. По действующим доньше узаконениям повинность эта возлагалась лишь на сословия мещан и крестьян, и значительная часть русских подданных изъята была от обязанности, которая должна быть для всех одинаково священна. Такой порядок, сложившийся при иных обстоятельствах, не согласуясь с изменившимися условиями государственного быта, не удовлетворяет и насто-

ящим военным требованиям. Новейшие события доказали, что сила государств не в одной численности войска, но преимущественно в нравственных и умственных его качествах, достигающих высшего развития лишь тогда, когда дело защиты отечества становится общим делом народа, когда все, без различия званий и состояний, соединяются на это святое дело. (...)

Испытанная готовность НАШИХ подданных приносить себя в жертву родине служила НАМ ручательством, что призыв НАШ встретит в русских сердцах сочувственный отголосок. МЫ в том не ошиблись. НАШЕ доблестное дворянство и другие не подлежавшие рекрутству сословия в многократных заявлениях выразили НАМ радостное желание разделить с остальным народом тягости обязательной военной службы.

МЫ приняли эти заявления с отрадным чувством гордости и благоговейною признательностью к провидению, вручившему НАМ скипетр над народом, в котором любовь к отечеству и самоотвержение составляют заветное, из рода в род переходящее достояние всех сословий. (...)

«Уральские войсковые ведомости», 1874, № 4, стр. 1

Вступительное слово императора Александра II перед новым положением для регулярной армии. Напечатано за 2 месяца до опубликования НВП для УКВ

ВОЕННАЯ РЕФОРМА

№ 9. ИЗ УСТАВА «ВОИНСКОЙ ПОВИННОСТИ»

1 января 1874 г.

1. Защита престола и отечества есть священная обязанность каждого русского подданного. Мужское население, без различия состояний, подлежит воинской повинности.

2. Денежный выкуп от воинской повинности и замена охотником не допускается.

(...)

5. Вооруженные силы государства состоят из постоянных войск и ополчения. Сие последнее созывается лишь в чрезвычайных обстоятельствах военного времени.

6. Постоянные вооруженные силы состоят из войск сухопутных и морских.

(...)

10. Поступление на службу по призывам решается жребием, который вынимается единожды на всю жизнь. Лица, по номеру вынутого ими жеребья не подлежащие поступлению в постоянные войска, зачисляются в ополчение.

11. К жеребью призывается ежегодно один только возраст населения, именно молодые люди, которым к 1 января того года, когда набор производится, минуло двадцать лет от роду.

12. Лицам, удовлетворяющим определенным условиям образования, предоставляется отбыть воинскую повинность без жеребья, в качестве вольноопределяющихся.

(...)

17. Общий срок службы в сухопутных войсках, для поступающих по жеребью, определяется в 15 лет, из коих 6 лет действительной службы и 9 лет в запасе...

18. Общий срок службы во флоте определяется в 10 лет, из коих 7 лет действительной службы и 3 года в запасе...

(...)

52. Для устройства имущественных и хозяйственных дел разрешается отсрочить, но не более как на два года, поступление на службу лиц, управляющих лично собственным недвижимым имуществом или принадлежащим им торговым, фабричным или промышленным заведением.

53. Воспитанники учебных заведений, означенных в приложении к сей статье, призываются к исполнению воинской повинности по достижении определенного для этого возраста наравне с прочими, но для окончания образования поступление их на службу в войска по вынужтому жеребию, в случае заявленного ими желанья, отсрочивается.

(...)

56. Для лиц, достигших нижеуказанных степеней образования (*имелись в виду лица, окончившие университеты, гимназии, реальные училища и некоторые другие учебные заведения первого, второго и третьего разрядов*), при отбывании

ими воинской повинности по жеребью устанавливаются сокращенные сроки службы...

ПСЗ, 1874, т. 49, ст. 52985.

Выписка сделана С. Багаевской

* * *

([Если] – (Т. Е.) наемка в прежних размерах делается затруднительною, уменьшите наемку, распустите например пешую Уральскую команду, уменьшите линейные команды и замените все это двумя ротами 3го батальона, но не останавливайтесь в деле очистки войска от главных зачинщиков неповиновения. Я не вижу другого средства выйти из этого вопроса.

Из письма оренбургского генерал-губернатора Н. А. Крыжановского наказному атаману УКВ Н. А. Верёвкину от 7.11.1874,

ГАОО, ф. 6, о. 13, д. 4020, л. 7

* * *

Лишь только пронеслась весть о новом положении в войске, как начались сходки и открылись совещания казаков. Не познакомившись должным образом с новым положением, казаки-коноводы уверяли других, что реку Урал у них от-

нимут и переселят к ним из внутренних губерний крестьян, между которыми и разделят войсковую землю и луга. Многие горячились при этом и говорили: «Нет, этому не бывать! Кровью мы приобрели Урал и нашу землю, кровью и продадим их!»

Витевский, стр. 188

* * *

Об УКВ: (...) почти всё войско решило упорно сопротивляться введению новаго положения, ибо призываемые суть молодые люди менее других фанатические, все остальные более старых лет без сомнения преданы изуверству всякаго рода более молодых: из сего следует, что казачье войско, коего весь быт основан и обусловлен поголовною службою по всякому призыву правительства, отказывается исполнить главную основу гражданского существования. Невольно рождается мысль, что такого рода войско, дающее всего 7 сотен на внешнюю службу, требующее для существования своего поддержки от Государственного казначейства и одаренное особыми привилегиями в ущерб Государственному казначейству и Государственному экономическому строю вообще скорее вредно, чем полезно; невольно рождается мысль и желание раз навсегда покончить с этим гнездом раскола и неповиновения властям, столько раз заявившим себя подобными преступлениями в Истории России.

Из письма оренбургского генерал-губернатора Н. А. Крыжановского военному министру Д. А. Милютину от 6.06.1875,

ГАОО, ф. 6, о. 13, д. 4020, л. 64–65

*** * ***

Вообще, по моему мнению, совершенно необходимо употребить все старания, чтобы настоящий кризис произвел как можно меньше потрясения в экономическом быте войска, и не ослаблял бы лучшего в нем элемента; ибо в противном случае, после неурожаев и недолова рыбы, войско неминуемо делается совершенно несостоятельным к выполнению служебных нарядов, по крайней мере при нынешней системе отбывания военной повинности.

Из письма наказного атамана УКВ Н. А. Верёвкина оренбургскому генерал-губернатору Н. А. Крыжановскому в октябре 1874 г.

ГАОО, ф. 6, о. 13, д. 4020, л. 3

*** * ***

(...) большая их часть есть панургово стадо, идущее всегда за всяким говоруном.

Уничтожьте главных зачинщиков и подстрекателей – и па-

нургово стадо будет повиноваться. В этом деле успех зависит тоже и исключительно не от количества, а от качества арестаций.

Из письма Н. А. Крыжановского Н. А. Верёвкину от 7.11.1874,

ГАОО, ф. 6, о. 13, д. 4020, л. 7

* * *

Душевно радуюсь, что съезд депутатов прошёл благополучно и что депутаты оказали себя людьми спокойными и разумными. Если бы даже они изображали собою меньшинство населения, то и в этом случае, опираясь на них, есть, по мнению моему, полная надежда провести в войске новое положение без дальнейших потрясений и неприятностей. Несомненно, что в числе повинующихся далёко не все повинуются по убеждению, весьма многие конечно остаются на хорошей дороге только под влиянием страха; но это в сущности всё равно; пройдут год или два и все будут повиноваться или по убеждению, или по привычке. Необходимо только, чтобы страх не уменьшился, и чтобы упорствующие видели что по блажки им не будет.

В этом смысле мне кажется что посылка депутатов к арестованным была делом лишним (...) надо (...) высылать постепенно всех (...). Вы же сами Николай Александрович были того мнения что случаем этим нужно воспользоваться,

чтобы очистить войско от людей вредных. (...)

Письмо Н. А. Крыжановского Н. А. Верёвкину от 7.11.1874,

ГАОО, ф. 6, о. 13, д. 4020, л. 6

* * *

Приказ № 32

Все казаки, прослужившие на основании Высочайше утверждённого положения 9 марта 1874 г. обязательный срок службы: в полевом разряде 15 лет, внутренне-служащие 22 и отставные 32 года, мною утверждены в соответствующих разрядах и по имеющимся на это в областном штабе спискам где следует перечислены.

«УВВ», 1876, № 6, стр. 1

* * *

Между тем воинский начальник, по соглашению с начальником штаба, распорядился разослать по форпостным школам буквари, в которых, по обыкновению, помещены были молитвы с переводом на русский язык и объяснениями, также – различные изображения крестного знамения с объяснениями, в духе православной Церкви; а на первой странице букваря находился четырёхконечный крест с сиянием

в пресечении, названный казаками-раскольниками «латинским крыжем». Казаки, подстрекаемые закоренелыми раскольниками, вообразили, что начальство, рассылая по школам эти книжки, желает заставить их молиться трепёрстно и поклоняться кресту четвероконечному, вместо поклонения восьмиконечному «истовому» кресту; говорили, что всем начнут брить бороды; что детей отберут и увезут куда-то, а куда, неизвестно; что служащих казаков всех оденут в солдатское платье, а взрослых девиц заберут и отправят на корабле в Англию.

Витевский В. Н., стр. 189

* * *

Уральские офицеры и чиновники, которым было поручено ввести НП... во всех станицах собирали казаков и задавали им такой вопрос: «Хотите ли вы принять НП или нет?», не пояснивши, что за НП, в чём оно состоит, так мы и до сих пор не знаем сути НП. Весьма естественно, что на такие вопросы ответы, будь они отрицательные или положительные, не будут приняты за преступления. Поэтому многие казаки простодушно отвечали: «НП мы не желаем». Ответ этот был принят за сопротивление и донесено офицерами, как о бунте...

Прошение казаков сенатору Ковалевскому, цитируется по Кольчеву С. В., стр. 100

В 1874 г. были введены в жизни уральских казаков различные реформы, касавшиеся их воинской службы и самоуправления. Между прочим, вводилась обязательная для каждого молодого казака военная служба, что изменяло прежний порядок отбывания воинской повинности. Уральские казаки выросли с недоверием к центральной власти и как огня боялись её вмешательства в их внутренние дела. Целый ряд бунтов, начиная с пугачёвщины, в которой уральские – тогда яицкие – казаки играли большую роль, и далее в 1803–1837 гг. вызывался подобными же шагами центральной власти, направленными к тому, чтобы прибрать вольных казачков к рукам. Если события на Урале в 1772 и 1803 гг. можно отнести к бунтам, то события 1837 и 1874–1876 гг. были сплошным недоразумением, основанном на нелепом поведении местного начальства и на вековом недоверии казачества ко всяким реформам в их быте.

В 1837 г. уральцы подали жалобу приехавшему тогда в Уральск наследнику-цесаревичу на разные неурядицы и насилия местных властей, которые и создали «бунт», окончившийся ссылкой нескольких десятков «главарей» в Сибирь.

В 1874 г. чисто пассивное сопротивление казаков введе-

нию реформ вызвано было главным образом самими приёмами начальства по введению «нового положения». С большого ума, когда ему стало известно недовольство казаков и по преимуществу стариков, игравших всегда большую роль среди старообрядческого патриархального населения, оно распорядилось отбирать от всех поголовно «подписку» о принятии нового положения, причём подписываться предлагали на чистых листах.

Вот тут-то заварилась «крутая каша», которую начальству пришлось расхлёбывать в течение десятка лет и в результате которой была массовая ссылка казаков с семьями в административном порядке на поселение в пустынные части Сырдарьинской и Амударьинской областей Туркестанского края...

Бородин, «Идеалы...», стр. 23–24

* * *

После опубликования на станичных сходах нового Положения, казаки Ботовъ и Кирпичниковъ подали 19 июня генералу Бизянову прошение, сущность котораго заключалась въ указании на то, что при применении къ войску новаго Положения неизбежно подорвется благосостояние войсковаго населения, и без того уже не завидное, вследствие чего они ходатайствовали объ отмене новаго Положения, указывая, что при отказе они обратятся съ такой же просьбой къ

командующему войсками Оренбургскаго военнаго округа и такъ далее по команде.

Генераль Бизяновъ наотрезъ отказался принять это прошение Ботова и Кирпичникова, и такъ какъ для оказания ему содействия при введении новаго Положения быть специально командированъ въ Уральскъ полковникъ Мартыновъ, то онъ вместе съ последнимъ внушилъ просителямъ, что домогательства незаконны и даже преступны, и далъ имъ 10-дневный срокъ на размышление. Однако, по истечении срока Ботовъ и Кирпичниковъ опять явились въ присутствие и представили свое прошение. Тогда просителямъ было объявлено, что по возвращении генераль-лейтенанта Веревкина изъ-за границы, где онъ еще лечился отъ раны, ему будетъ доложено ихъ прошение, но до техъ поръ они во всякомъ случае должны будутъ подчиниться новому положению и воздержаться отъ всякихъ его превратныхъ толкований, въ чемъ и потребовали отъ нихъ особую подписку. Кирпичниковъ и Ботовъ, посоветовавшись съ другими казаками, отказались дать требуемую отъ нихъ подписку и вместо того представили копию съ упомянутой уже выше «владенной», въ удостоверении того, что прошение ихъ вполне законно.

Генералу Бизянову хорошо было известно, что казаки Ботовъ и Кирпичниковъ действуют не отъ своего только имени, а являются уполномоченными большинства уральскихъ

казаковъ. Атаманъ отдела въ своемъ донесении по этому поводу указывалъ, между прочимъ, на станицу Кругло-Озерную и др., какъ на центръ, изъ котораго распространяется смута, и что не все казаки настолько упорствуютъ не подчиниться требованию начальства, а более разсудительные изъ нихъ, хотя и погалдели о томъ, что следуетъ попросить начальство исходатайствовать отмены Положения, но, однако, не взялись подать о томъ прошение. Отметивъ нерешительность части казаковъ, атаманъ отдела указалъ и главныхъ агигаторовъ.

Действительно, казаки Ботовъ и Кирпичниковъ имели письменное полномочие на подачу прошения, подписаннаго огромнымъ числомъ ихъ единомышленниковъ; это письменное полномочие известно было подъ названіемъ «заручной».

Въ виду отказа Ботова и Кирпичникова дать подписку въ томъ, что они подчинятся новому Положению, отдано было 29-го июля распоряжение отобрать у нихъ эту «заручную», узнать по ней всехъ ихъ единомышленниковъ, допросить последнихъ и отобрать отъ нихъ всехъ подписки о томъ, признаютъ ли они себя солидарными съ Ботовымъ и Кирпичниковымъ, а также въ томъ, что они отказываются отъ единомыслия съ последними и будутъ впредь подчиняться всемъ распоряжениямъ начальства; въ случаю же отказа казаковъ

дать требуемую подписку – предать ихъ суду.

Такое, на первый взглядъ, энергичное распоряжение, на самомъ деле должно было неминуемо повести къ дальнейшему осложнению положения вещей.

«Заручную», которую Ботовъ и Кирпичниковъ первоначально сами представляли въ удостовѣреніе своихъ полномочій, они теперь, разумеется, наотрезъ отказались выдать начальству, чемъ лишили его возможности выяснить имена лицъ, его подписавшихъ. Такимъ образомъ, распоряжение оказалось трудно осуществимымъ. Само по себе отобраиіе подобной подписки было почти равносильно плебисциту, пусканию вопроса на голоса и, во всякомъ случае, должно было вселить въ казакахъ убежденіе, что ихъ спрашиваютъ о желаніи или нежеланіи принять новое Положеніе, а следовательно, что на обязательное принятіе его нетъ царскаго повеленія, и начальство домогается теперь добровольнаго со стороны казаковъ согласія принять новое Положеніе. «Недоразуменіе», такимъ образомъ, росло, сгущалось въ огромную, безпросветную тучу, нагонявшую мракъ, въ которомъ никто не могъ разобраться.

(...)

Въ ночь на 20 сентября возвратился изъ-за границы атаманъ ген. Веревкинъ и, принимая утромъ съ визитомъ уральскихъ чиновъ и представителей различныхъ частей войскъ,

сказалъ: «Съ удовольствіемъ вижу васъ всехъ, господа, здоровыми! Одно неприятно, что въ Уральскомъ войскѣ возникли большіе затрудненія по введенію новаго положенія; впрочемъ, при помощи Божьей и вашемъ содействіи, господа, я надеюсь уладить это дело».

А къ 21 сентября выборы депутатовъ были уже окончены во всехъ станицахъ Уральского войска, кроме Кругло-Озерной, Трекинской и 2-хъ Гурьевскихъ. Выборы производились чрезвычайно энергично: въ случае упорства разрешено было прибегать къ оружію, арестовывалось по 200 человекъ одновременно, а въ г. Уральске, куда были вызваны изъ Кругло-Озерской станицы по одному казаку отъ каждыхъ 25 дворовъ для выслушанія убежденій генерала Крыжановскаго, все они были арестованы по приказанію сего послѣдняго. Приведенный выше приказъ генерала Крыжановскаго объ имущественной ответственности ослушниковъ приводился, по видимому, въ исполненіе неукоснительно и съ большою строгостью. Въ письмахъ своихъ «уходцы» пишутъ:

«Въ то же время у насъ въ войске отъ страшнаго истязанія образовались две партіи: согласные и несогласные. Согласные принять новое положеніе и дать требуемую подписку избираютъ депутатовъ и становятся на сторону администраціи, а несогласныхъ насъ стали въ тюремные замки заключать и разорять наше стяжаніе, какъ: птицу, дворовое стро-

ение, рыболовные снасти, инструментъ хозяйственнаго изделия, тащить по своему усмотрению... Описывать и продавать подъ видомъ взыскания съ насъ контрибуции, и, такимъ насильственнымъ действиемъ, или сказать – самоуправствомъ, собственность нашу въ короткое время превратили въ пустынный видъ и полное разорение...» Среди населения царили полное смущение и растерянность (...)

Сандръ

141

Его императорскому высочеству великому
Князю Николаю Николаевичу;

Всланный приказъ отъ урала
въ ренобургинскихъ

Промение

Меня суровыми выгодами насъ несчастными принасти
къ милосердиюна етопане вашего императорскаго
высочества, полите изнурительными прискорбями,
воздури души побиванъ спанъ наугасти страждущимъ
урамусть, какъ неимчивымъ богослужимъ покровити
ли, пресветли всемилостивѣишии царевичи, о-
зареніемъ потемнило войско, которое припосаженно
на усирои своихъ напалу царю иотместву
стрелилое всегда, приноситъ доблестный труды,
Всемилоостивѣишиму Государю, и всеознѣишиму
брату твоему, нищадиле низдостознѣи низхвѣста
своего, отъ него ни отъ вѣраго отъ ево вселѣ
вное издавалымъ правили и законове, повеленія
приказове вашимъ, приимало ерѣвностио

**Его императорскому высочеству
великому Князю Николаю Николаевичю;**

Высланных казаков с Урала
верноподданическое
Прошение

Тока сердечныя вынудили нас несчастных припасть к милосердным стопам вашего ИМПЕРАТОРСКАГО ВЫСОЧЕСТВА, молить изнурительным прискорбием, воззри душелюбивым оком на участь страждущих уральцев, как неизменных богоданных покровителей, просвети всемилостивейший ЦЕСАРЕВИЧ, озарением потемнелое войско которое при постоянном усердии своем на ползу царю и отечеству стремилось всегда, приносить доблестные труды, ВСЕМИЛОСТИВЕЙШЕМУ ГОСУДАРЮ, и любезнейшему брату твоему, ни щадило ни достояния ни живота своего, отнюдь ни отвергало от себя всех вновь издаваемых правил и законов, повеления предков ваших, принимало с ревностью безо всякаго нарушения их, равным образом, и в настоящее время благоугодно было, АВГУСТЕЙШЕМУ МОНАРХУ, издать новое положение воинской повинности, коя нам передано властями без письменнаго разъяснения, простыя наши умы не вмещающа пользы етого положения, умоляли ближайших властей о разъяснении нам буквальность того, и вну-

шить сущность онаго, чтобы устранить разномыслия недоумевающих, но они неизвестно с какого повода приняли нашу просимость, в превратном виде, прияли к бунту, и неповиновению будто бы против воли правительства, и в такой неожиданной кичливости, начали требовать от нас какия-то сумнительныя для нас подписки без условно, и делать несносныя истязания, раззарять хозяйство, описывать и оценивать последние достояние, вщет кантрабуцци, лишали всех возможных средств к жизни и неизбежной крайности, и не было нам мер искать в кругу своего начальства, защиты, и законнаго покровительства, препровождали нас большими массами в разныя форты торкестанскаго края, и в другия удаленныя места россии, ни щадя преклонности лет, изнемогших членами, рвали и брили бороды, ковали в железы, выводили на ешафот и ссылали с лишениями всех прав и состояния, и такая прескорбная мера зародила у нас трогательное впечатление, религиозных чювств, и ни коснулась бы помянутая подписка и до измены всероссийскаго престола, за который мы обязаны стоять с ревностью до последней капли крови, и не быть врагами нашему всероссийскому и любезнейшему ГОСУДАРСТВУ, и всегда почивающему на сердцах милаго отечества, основываясь мы непоколебимо на дарованных вечных правах, вашими великими предками, неоднократно нудились упрашивать у своего начальства позволения, донести до священной личности, АВГУСТЕЙШЕГО МОНАРХА с прозбами, о своих неизбежных угнетени-

ях, но они строго воспретили выдавать на проезд писменные нам виды, но между тем, Божиим промыслом, избранники наши сподобились лично подать ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ всеподданейшии прозбы, которыя податели и в настоящем времени содержатся под арестом, в Казалинской крепости, безо всякаго внимания, и каждый уралец на месте заточения своего подвергался без человеческого телесному наказанию, изувечивали ружейными прикладами, казачьими нагайками, и розгами били, пяти хвостовыми кнутами по 1000, ударов давали, нагих морозили, производили разныя пытки, набитыя раны посыпали солью и табаком, и выжигали на лбу клеймо, голодом морили, и господа офицеры позволяли себе обнажать шашки и били полосами, с выматательством быть нам тамо волными поселенцами, не обращая ни малейшаго внимания, и на заслуженные доблести кавалеров, важнея же всего по христианскому долгу, имеющийся запасный агнец к смертному часу блюдомый, небрежно бросали на поправление ног, и от таких без человеческих тиранств немалое количество предали души своя в руки божии, со известием мучительных сих времен; равным образом и семейства наши уральская администрация распорядилась выслать усильно, во аму-дарьинский край с целью водворить нас там на волное поселение безвинно, опустошили всю нашу оседлость, вследствие того раздробили наши семейства, детей свыше 15ти лет оставили на урале, а некоторых матерей ковали в железы, и своеручно били,

словесно всячески срамили, и такое насильственное последование удвоили матерния болезни нетерпимаго благоутробия, многия лишались своего природнаго благоразумия, о разлучении своих чад, и в пути необитаемых степях подвергались гладу и жажды со своими малютками от безводных мест, и поражал их безобразный сей проезд солнечный зной; А партионный начальник вместо сожаления позволял выражать скверноматерския слова, равно же и нижния чины, с 1874 года находясь мы в таком безотрадном положении, и не имея в настоящее время более средств к поддержанию своего существования, вследствие того, что мы от безчеловечных пыток и наказаний лишены сил и всякой возможности добывать чрез заработки насущнаго хлеба для своего содержания, а присланные денги от сродних с уралу сдешняя начальство распорядилось от брать нашу собственность, и запретило почтовому ведомству выдавать денежные письма и посылки, кои передаются в зависимости ротным командирам, они же по усмотрению своему деньги здают в кассу, а посылки с большей утратою для нас продают с аукциона, но хотя и прекратилось в настоящее время упомянутое тиранство, но в прошлом лете двоих уральцев наказали одному 100, А другому 50 т дали ударов, А оставшая на урале семействы наши в настоящем 1879 м году в январе месяце местное начальство переписало и объяснило им также страдательный путь на поселения;

Преданность наших чувств возбудило сердечное томительство, прибегнуть к созерцанию вашего ИМПЕРАТОРСКОГО ВЫСОЧЕСТВА покровительству, воззрите все милостивейшим оком на страждущую участь нас уральцев, безвинно гибнущих, соблагovolите обрати нас на первобытное состояние милой родины, утишите дурные колебания текущих слезных рек;

К сему присовокупляем копию с предписания командующего войсками оренбургского военного округа, от 8го сентября 1874го Года за № 4800;

Чего будим в надежде ожидать с вернейшим разследованием милостивейшаго от вас разрешения;

Все подданнейшей проситель войска уральска казак сосланный на Аму-дарью, со семейством, В петр-александровскую крепость, Константин сименов Вольнов;

1879го Года Мца Марта дня
ГАОО, ф. 6, о. 13, д. л. 389–392

Про несомненную роль бумаг и подписей

Кто бы мог подумать, какую роль может сыграть чернильная закорючка в низу страницы...

В июне 1874 года и. о. наказного атамана генерал Константин Федотович Бизянов прошёл через несколько стадий в своей реакции на прошение казаков Осипа Ботова и Кирилла Кирпичникова о приостановке нового военного положения (НВП). Сначала он не хотел принимать прошение; надо полагать, потому что с момента принятия прошения в ход вступал хорошо отрегулированный процесс, и ему, Бизянову, пришлось бы взять ответственность на себя в таком нестандартном деле и отреагировать. Он попытался оттянуть подачу прошения до возвращения наказного атамана УКВ Николая Александровича Верёвкина осенью 1874 года. Нет слов, Верёвкин был куда более подкован обсуждать НВП, ведь он его, по существу, и писал (т. е. участвовал в обсуждении всех пунктов нового положения в процессе написания), а потому и знал его лучше, чем кто-либо в УКВ.

На время ожидания приезда Верёвкина Бизянов, видимо, решил подстраховаться и потребовал от ходяков подписку,

надо полагать, о том, что будут удерживаться от обсуждения этой темы до рассмотрения прошения Верёвкиным (моя речь полна предположений, потому что никто из участников событий свои поступки и мотивы не объяснял, и в некоторых случаях нам остаётся лишь догадываться, почему они поступили так, а не иначе). Ботов и Кирпичников подписываться отказались. Тогда Бизянов забеспокоился ещё больше. Чиновники питают исключительное уважение к бумагам и подписям. Не получив вожделенную подпись от просителей, Бизянов предпринял резкий шаг: старики были арестованы и допрошены с целью выявления «сообщников», то есть тех, кто уполномочил их прийти с этим прошением. Старики сообщников не выдали, и их отправили в Оренбург под следствие. Мне не встречались бумаги о следственном деле Кирпичникова и Ботова, поэтому методы ведения следствия мне неизвестны. Однако широко известно, что, пока шло следствие, стариков содержали под строгим надзором, и в ходе следствия стали выявляться имена «соучастников», которые тоже были незамедлительно арестованы. А по войску был разослан циркуляр с угрозой судебного наказания непослушным, что было вполне в чиновничьем и солдафонском духе и в традициях Российской империи.

Следующий виток бумажной эпопеи был довольно неожиданный и явно не санкционированный никакими административными положениями. Оренбургское начальство сфаб-

риковало подложное письмо (разумеется, с одобрения и, скорее всего, по прямому указанию оренбургского генерал-губернатора Николая Андреевича Крыжановского), письмо было якобы написано находящимися «в замке» Ботовым и Кирпичниковым, осознавшими свои заблуждения. Администрация распространила его в УКВ. Главная мысль письма сводилась к одному: прошение было знаком неповиновения, это плохо; виновные должны раскаяться. Это письмо (существовавшее в двух вариантах, см. приложение к этой главе) должно было быть прочитано одновременно в нескольких станицах, так что офицеры высшего состава УКВ разъехались на разнообразные станичные сборы. Подмётное письмо произвело впечатление, противоположное запланированному. Казаки не успокоились, а заволновались ещё больше, теперь уже в открытую. Вопрос в лоб: «Согласны ли вы с НВП?» спровоцировал такой же ответ в лоб: «Нет».

Несмотря на определившуюся конфронтацию на сходах, несмотря на явно преступный подлог администрации (письмо Ботова и Кирпичникова было фальшивым документом, за которое по законам Российской империи предусматривалась уголовная ответственность), несмотря на аресты уважаемых стариков (так называемых соучастников), несмотря на агрессивный напор начальства – несмотря ни на одну из всех провокаций (а только так и можно расценить действия генерала Бизянова и войсковой администрации – одна провока-

ция за другой), казаки вели себя миролюбиво. Если и приходили ходоки, подобные Ботову и Кирпичникову, то только мирные (а они начали приходиться: чем сильнее на казаков давили Бизянов и компания, тем чаще они слышали ответные просьбы повременить с реформой). Есть даже упоминания казаков, на коленях умоляющих командный состав отменить реформы. Уж если это и был «бунт», то поистине бунт на коленях.

Уже в самый начальный период конфликта определилась линия поведения обеих сторон: нахрапистая и агрессивная политика государственного аппарата в лице местной администрации, не брезговавшей ни подлогом, ни прямым насилием, и политика тихого, но упорного несогласия с произволом – со стороны казаков. Эту особенность конфликта, сохранившуюся на всём протяжении «бунта» вплоть до 1880-х годов, заметили все более-менее объективные историки, но вряд ли кто задумывался всерьёз: почему казаки, профессиональные военные, приходившие на сходы вооружёнными, оказались такими пацифистами? Почему при всей напряжённости ситуации и при таком упорстве в отстаивании своей точки зрения на протяжении нескольких лет казаки не продемонстрировали никакого желания применить силу? Не было ни малейшего намёка на Пугачёвское восстание, а уж, казалось бы, вооружённого конфликта нельзя избежать при таком накале страстей. Случаи «силовых момен-

тов» с участием казаков-староверов были единичны, и судя по тем ограниченным сведениям, которые сохранились, были недоразумением или самозащитой больше, чем нападением.

А есть и противоположные примеры, как в случае со вторым побегом казака Самойлы Пальгова в Иргизские скиты (см. приложение к этой главе), когда после общения со старообрядческими наставниками беглый казак сам вернулся с повинной к туркестанскому начальству, несомненно, чтобы смиренно испить всю чашу страданий.

Свидетельств такого рода (о влиянии религиозных наставников) очень немного: старообрядцы сами таких свидетельств не сохраняли, а начальству нужны были только отрицательные примеры. Однако нельзя не задуматься о роли «начётчиков-старообрядцев», которых все кому не лень называют зачинщиками и идеологами «бунта». Да и вообще нельзя пропустить тот факт, что речь идёт о войске с преобладающим старообрядческим населением. Правда, данные варьируются очень сильно. По данным 1858 года, в УКВ «раскольников» и единоверцев было в два раза больше, чем православных (это если верить Витевскому, стр. 3), однако уже 30 лет спустя после тех статистических данных и 10 лет спустя после описываемых событий, в 1885 году, только в городе Уральске было 12 630 старообрядцев и единоверцев и

10 112 православных, из которых 9389 человек были невоинские, а из казачьего населения к православию принадлежали только 723 человека; то есть соотношение было меньше чем 1:10 даже в сердце УКВ, Уральске, по соседству с администрацией. Даже более того, православных, по Бородину, в войске было меньше, чем мусульман: магометан было 5,3 %, а православных – всего 1 % (Бородин, стр. 139 и 140). А по Рябинину, в 1866 году в УКВ было всего 62 православных на приблизительно 80 тысяч душ войскового населения обоего пола (стр. 280). Конечно, цифры имеют значение только в целях интерпретации, и ими можно манипулировать, как и любой другой информацией. Их аккуратность зависит и от того, кто собирает данные, и для какой цели, и какие механизмы сбора информации были задействованы. Статистические данные нельзя считать абсолютными, а когда речь заходит о таких щекотливых делах, как дела религиозные, а особенно религии опальной, то статистические данные проявляют удивительную гибкость и изменчивость в зависимости от того, кто их собирал.

ЦАМ СЛЫ
 СМХ КЖИМ
 КР КХ
 КРЕСТЪ УРАНИ... Ф. И. К. И. Х. Т. Е.
 КРЕСТЪ КРАСОТА ИИ ИА
 КРЕСТЪ ЦАРЕМУ РЕ
 КРЕСТЪ КЕРНЫМЪ АА Г
 КРЕСТЪ АНГЕЛОМЪ Г
 КРЕСТЪ КЪСОМЪ Д
 ВСЕМЪ ВСЕЛЕННЕИ.
 ПРАВОСЛАВ...
 ДЕРЖАКА
 ОУТВЕРЖЕНІЕ
 СЛЫКА...
 ЕВЪЛА ;

Как бы критически или одобрительно мы ни относились к статистическим материалам о размерах старообрядческих приходов в УКВ в XVIII–XIX веках, записанным самими староверами, православным Синодом, различными государственными учреждениями и частными исследователями, одно не поддаётся сомнению: несмотря на организованные усилия государства ослабить влияние и популярность «раскола» в УКВ, старообрядческие приходы намного превышали своей численностью православные приходы. И почти все, когда-либо писавшие на тему старообрядчества в УКВ, отмечали, что многие, посещавшие православную церковь, делали это исключительно из карьерных соображений (см. приложение к этой главе). Зачастую бывало и так, по свидетельству того же Витевского, что начальник, посещавший православную или даже единоверческую церковь, пока он находился на службе, начинал креститься двупёрстно, отпуская бороду и начинал посещать какой-нибудь старообрядческий толк, как только он уходил в отставку. Бывали случаи, когда по выходе в отставку казаки принимали и схиму, как это сделал полковник Буренин, герой Отечественной войны. Закончив свою военную карьеру, он поселился в старообрядческом Сергиевом скиту, постригся в монахи и прожил остаток своей жизни в аскетизме и молитвах (Витевский, стр. 68).

Поверхностность православия в администрации УКВ была известна и центральным властям. Например, епископ Лука писал по поводу антираскольничьих мероприятий, проводимых в ЯКВ (то есть в Яицком войске, ещё до Пугачёвского восстания), что «войсковой атаман и старшины, при бывшем розыске о раскольниках, оказались в наибольшем подозрительстве» («УВВ», 1870, № 19).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.